

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ въ 1854 году.

(Отрывокъ изъ печатающагося II тома соч. «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой»).

I.

Еще лѣтомъ 1853 года, до вступленія нашихъ войскъ въ Придунайскія Княжества для военно-политическаго воздѣйствія на Турцію, началась весьма дѣятельная переписка между Государемъ и князьями Варшавскимъ, Долгорукимъ, Горчаковымъ, Меншиковымъ и Воронцовымъ о планѣ предстоящей кампаніи, если бы споръ нашъ съ Турціей не удалось разрѣшить иначе, какъ силою оружія. Очень характерная и знаменательная переписка эта является замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ военныя операціи могущественной арміи парализуются вмѣшательствомъ фальшивыхъ политическихъ соображеній и какъ армія, привлеченная не для своей прямой цѣли—разсѣченія запутаннаго Гордіева узла политической обстановки, а лишь для физической полумѣры, связывается по рукамъ и ногамъ

и въ концѣ концовъ становится въ положеніе, противное всѣмъ принципамъ военнаго искусства.

По первоначальнымъ предположеніямъ, изложеннымъ въ собственноручной запискѣ Императора Николая отъ 16—17-го мая 1853 года ¹⁾, задача нашей Дунайской арміи заключалась въ военно-политическомъ воздѣйствіи на Турцію, и это главное положеніе должно было лечь въ основу всѣхъ дѣйствій князя Горчакова.

Государь, «желая всегда избѣгать войны съ Турціей по гибельнымъ ея послѣдствіямъ для войскъ и по неопредѣленности цѣли дѣйствій, ежели избѣгнуть хотимъ, конечно, ниспроверженія Турецкой Имперіи», раздѣлилъ военныя дѣйствія противъ Оттоманской Порты на три раздѣла или эпохи.

Первая эпоха заключалась въ занятіи Придунайскихъ Княжествъ и въ отраженіи въ нихъ нападенія турокъ, если бы они рѣшились произвести таковое.

При невоздѣйствіи на непріятеля занятія нами Княжествъ должно было наступить время къ усиленію принудительныхъ средствъ. Государю желательно было, чтобы въ этотъ второй періодъ и австрійцы приняли активное участіе, занявъ Герцеговину и Сербію. При этомъ Императоръ Николай полагалъ сообщить туркамъ, что ежели они не согласятся на наши предложенія, то онъ объявитъ независимость Княжествъ и Сербіи. Переходить Дунай Государь, однако, не предполагалъ и въ то время.

Наконецъ, если турки все еще будутъ продолжать упорствовать, то тогда, по словамъ записки Императора Николая, «наступить время угрозу исполнить и признаніемъ независимости Княжествъ положить начало разрушенія Оттоманской Имперіи».

Вотъ съ какой программой армія князя Горчакова двинулась на берега Дуная и, хотя начальникъ ея признавалъ эту программу вполне соотвѣтствующей обстоятельствамъ ²⁾, тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что не придется ограничиться лишь исполненіемъ ея. «При всемъ моемъ желаніи», писалъ онъ своему другу князю Меншикову, «мнѣ невозможно будетъ перейти Дунай въ этомъ году... для этого мнѣ не хватаетъ время, силъ и средствъ переправы». Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ выдвигался на

¹⁾ Смотри. А. М. Заіончковскій: «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ совр. ей полит. обст.». Т. 1-й. Прил. № 218.

²⁾ Кн. Горчаковъ—князю Меншикову 17-го іюня 1853 г. Арх. В. Уч. Ком. № 4253.

очередь вопросъ объ измѣненіи неестественнаго плана *трехъ эпохъ*. «Если будетъ война», писалъ Горчаковъ Меншикову въ томъ же письмѣ, «то я увѣренъ, что она будетъ очень трудная. Въ случаѣ англичане и французы будутъ противъ насъ, то вашъ флотъ будетъ парализованъ ихъ флотомъ. Если же они останутся нейтральными, въ чемъ я сомнѣваюсь, то единственная существенная помощь, которую вы мнѣ можете оказать, это десантомъ въ Бургасъ и перевозкой жизненныхъ продуктовъ, такъ какъ я не вѣрю въ успѣхъ морского нападенія на Константинополь» ¹⁾).

Въ ряду предположеній о возможномъ планѣ будущей кампаніи главное мѣсто занимала мысль о переходѣ черезъ Дунай.

Впервые на ней болѣе подробно остановился Паскевичъ въ своей перепискѣ съ княземъ Горчаковымъ. Въ письмѣ отъ 6-го іюля 1853 года ²⁾ престарѣлый фельдмаршалъ, на ряду съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ по устройству интендантской части, которой онъ придавалъ такое серьезное значеніе, затрагивалъ вопросъ и о наступательной кампаніи.

Она не представлялась князю Ивану Федоровичу трудной, такъ какъ онъ еще не разсчитывалъ на вмѣшательство западныхъ державъ и тѣмъ болѣе Австріи; силамъ же турокъ фельдмаршалъ не придавалъ особаго значенія.

Лучшимъ мѣстомъ для переправы черезъ Дунай Паскевичъ считалъ Гирсово, какъ пунктъ, вдающійся въ Болгарію, близкій къ морю и къ Варнѣ, которую онъ ставилъ первымъ и главнымъ предметомъ нашихъ дѣйствій. Движеніе къ этой крѣпости и взятіе ея фельдмаршалъ признавалъ необходимымъ сдѣлать возможно скорѣе, не увлекаясь до паденія Варны никакими другими цѣлями и лишь отбивая попытки непріятели помѣшать скорому овладѣнію этой крѣпостью.

Если бы турки преждевременно погорячились и перебросили большія силы черезъ Дунай до перехода его нашими войсками, то Горчакову надлежало ихъ разбить, воспользоваться своей побѣдой, и тогда война могла бы окончиться ранѣе, чѣмъ это предполагалось.

Фельдмаршалъ не находилъ невыгоднымъ отложить переходъ черезъ Дунай до весны, такъ какъ, хотя къ этому времени турки и поправятъ нѣсколько свои крѣпости, но едва ли будутъ сильнѣе:

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Письмо это помѣщено въ январской книжкѣ «Русской Старины» за 1876 годъ.

«Никакъ нельзя ручаться за это», писалъ Государь 1), «ибо на злобу и сумасшествіе нѣтъ ни мѣры, ни правилъ: на все быть готову необходимо». А потому, не рѣшивъ еще окончательно будетъ ли возможно начать въ 1854 году наступательную войну, Государь повелѣлъ разсчитывать подвозъ всего продовольствія сухимъ путемъ.

Результатомъ такой политической обстановки была новая записка князя Горчакова о наступательной кампаніи за Дунаемъ, составленная 20-го сентября 1853 года въ предположеніи, что мы не будемъ владѣть Чернымъ моремъ 2).

Согласно этой записки начать кампанію предполагалось въ концѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля въ зависимости отъ состоянія подножнаго корма. Базой предстоявшихъ дѣйствій долженъ былъ служить Дунай отъ устья до Гирсова, а наступленіе надлежало вести въ пространствѣ между моремъ и линіей отъ Гирсова на Праводы, Адрианополь и Константинополь съ тѣмъ, чтобы въ Валахіи не распространяться далѣе Бухареста. При наступленіи слѣдовало ограничиться лишь взятіемъ укрѣпленій Бабадагской области и Варны, маскируя Шумлу. По взятіи Варны оставить достаточное число войскъ для прикрытія тыла, перейти Балканы между Праводами и моремъ и наступать далѣе на Адрианополь и Константинополь.

Необходимое количество войскъ для выполненія означеннаго плана князь Горчаковъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Придунайскихъ Княжествахъ 6 полковъ пѣхоты съ артиллеріей, 2 кавалерійскихъ полка съ батареями и 2 казачьихъ полка. Такой значительный отрядъ для Княжествъ объяснялся тѣмъ, что всѣ Дунайскія крѣпости должны были оставаться въ рукахъ турокъ.

Бессарабію оборонять мѣстными войсками. Въ окрестностяхъ Одессы и въ Крыму имѣть пѣхотную дивизію съ артиллеріей и одинъ казачій полкъ, но, въ случаѣ объявленія западными державами намъ войны, авторъ записки полагалъ необходимымъ увеличить тамъ число войскъ.

Наконецъ для дѣйствія въ Болгаріи и Румеліи считалось достаточнымъ имѣть 6 пѣх. дивизій съ артиллеріей, 2 стрѣлк. баталіона, 3 саперн. и 3 понт. баталіона, 1¹/₂ кавал. дивизіи съ артиллеріей и 8 казачьихъ полковъ съ 2 батареями.

1) Воен. мин. кн. Горчакову 29-го августа 1853 года № 986. Арх. канц. воен. мин. по см. в. 1853 г. с. д. № 65.

2) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. секр. д. № 60.

Князь Горчаковъ предполагалъ, что главныя силы турокъ, во время осады нами Варны, не выйдутъ изъ своихъ крѣпостей и Шумлы, чтобы не дать намъ случая ихъ разбить, а поэтому послѣ взятія нами Варны считалъ необходимымъ оставить въ Болгаріи для прикрытія нашего тыла 2 пѣх. дивизіи, 1 кавал. бригаду и три казачьихъ полка со вспомогательными частями; остальные же войска, силою около 60 тысячъ, употребить на походъ за Балканы.

Надо думать, что этотъ нѣсколько односторонній планъ кампаніи, ставившій армію въ ея наступленіи къ Варнѣ и Константинополю въ тиски между моремъ, которое могло быть въ рукахъ англо-французскаго флота, и не взятыми турецкими крѣпостями, безъ всякой опоры со стороны нашего праваго фланга, не произвелъ серьезнаго впечатлѣнія въ Петербургѣ, такъ какъ его замолчали и неизвѣстно даже, былъ ли онъ доложенъ Государю.

Князь А. С. Меншиковъ съ своей стороны полагалъ, что главные удары Турціи надо нанести въ Азіи, гдѣ она болѣе слаба; задача же нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ сводилась лишь къ удержанію тамъ большей части непріятельскихъ войскъ ¹⁾, причѣмъ слѣдовало постараться разбить ихъ по частямъ до сосредоточенія къ Шумлѣ.

Военный министръ въ своемъ письмѣ къ Меншикову присоединился къ мыслямъ князя и сообщалъ ему, что Государь раздѣляетъ ихъ вполнѣ, «по крайней мѣрѣ до сего времени», присовокупляетъ онъ, «но я вамъ не отвѣчаю за то, что будетъ завтра ²⁾».

Лично Императоръ Николай высказалъ свои соображенія по поводу кампаніи 1854 года въ обстоятельной собственноручной запискѣ, составленной въ концѣ октября и началѣ ноября 1853 г. Дѣйствительность заставила убѣдиться Государя въ непрактичности плана трехъ эпохъ, на которомъ онъ такъ неохотно и подъ давленіемъ своихъ совѣтниковъ остановился. Но въ этой запискѣ замѣтны лишь слабыя попытки сбросить съ арміи паутины политическаго надъ ней гнета.

Кампанія 1854 года, по словамъ Государя ³⁾, могла быть: оборонительною противъ турокъ въ Европѣ и наступательною въ Азіи; оборонительною противъ турокъ въ союзѣ съ Франціей и Англіей и наступательною въ Азіи; наступательною въ Европѣ и Азіи

¹⁾ Кн. Меншиковъ—кн. Долгорукову 28 сентября 1853 г. Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт. № 4254.

²⁾ Кн. Долгорукову—кн. Меншикову 9 октября 1853 г. Тамъ-же.

³⁾ Арх. к. в. м. 1853 г. с. д. № 60.

противъ однихъ турокъ и противъ нихъ же, несмотря на союзъ ихъ съ Франціей и Англійей.

«Неувѣренность или сомнѣніе», писалъ Государь, «что примуть Англія и Франція при открытіи кампаніи, требуютъ съ нашей стороны такихъ соображеній, которыя, обезпечивъ собственныя наши границы отъ непріятельскихъ предпріятій, давали бы однако намъ возможность наносить наибольшій вредъ Турціи, не тратя безъ необходимости русскую кровь». Въ зависимости отъ этого надлежало обезпечить собственныя границы и наступательно дѣйствовать противъ непріятели.

Нападенія на наши границы съ сухого пути Государь не ожидалъ, а опасался лишь морскихъ предпріятій и высадокъ. Не затрагивая въ запискѣ вопроса о Балтійскомъ побережьи, онъ останавливалъ свое вниманіе на Черномъ морѣ. Здѣсь нападенію могли подвергнуться Одесса, Крымъ или береговыя укрѣпленія на Кавказѣ. Этотъ послѣдній случай Державный авторъ записки признавалъ самымъ невыгоднымъ, такъ какъ онъ повлекъ бы за собою очищеніе береговой линіи за исключеніемъ, можетъ быть, Анапы, Новороссійска, Геленджика и Сухумъ-Кале. Къ атакѣ на Крымъ, по предположенію Императора Николая, слѣдовало готовиться, какъ только союзники появятся въ Царьградѣ; нападеніе на Одессу не представлялось опаснымъ, такъ какъ оно могло повлечь за собою лишь бомбардированіе города. Наконецъ переправа непріятели черезъ Дунай въ наши предѣлы вблизи Измаила или Рени представлялась невѣроятною.

Переходя къ разсмотрѣнію наступательной войны противъ турокъ, Государь признавалъ желательнымъ первоначально ограничиться обороною Княжествъ, выбивъ, однако, турокъ изъ Калафата, но въ то же время на Кавказѣ энергично наступать и до весны овладѣть Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ. Если и послѣ этого не послѣдуетъ перемены въ упорствѣ турокъ, то приступить примѣрно въ концѣ марта къ переправѣ черезъ Дунай.

Самую операцію Государь полагалъ начать сильной демонстраціей у Сатунова и Гирсова, дабы настоящую переправу исполнить выше Видина, послѣ чего приступить къ осадѣ этой крѣпости. Надо полагать, что Видину придавалось большое значеніе въ смыслѣ воздѣйствія на поднятіе къ возстанію сербовъ. Еслибы демонстраціи наши не удались и турки стянули бы главныя свои силы къ Видину, то тогда у Сатунова и Гирсова предполагалось произвести настоящую переправу, причемъ войска наши должны были занять край до Троянова вала, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи.

По окончаніи этихъ операцій подлежало осаждать Видинъ и дѣйствовать противъ турецкой арміи, ежели она пойдетъ на помощь къ этой крѣпости, или же двигаться противъ войскъ въ Бабадагской области. Въ первомъ случаѣ, т. е. при наступленіи турецкой арміи къ Видину, слѣдовало итти на встрѣчу непріятелю и стараться разбить его, «напустивъ сербовъ имъ въ лѣвый флангъ и тылъ». У Троянова вала, если турки не сильны, также разбить ихъ; ежели же они тамъ будутъ очень сильны, то отступить къ Гирсову и продолжать осаду Видина, паденіе котораго Государь предполагалъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Если въ Черномъ морѣ не будетъ флотовъ англійскаго и французскаго, то обязанность нашего флота должна была состоять въ защитѣ нашихъ береговъ и въ нанесеніи возможнаго вреда туркамъ, препятствуя свободному сообщенію съ ихъ портами.

Дальнѣйшее упорство турокъ должно было придать борьбѣ еще болѣе широкой характеръ. «Полагаю», писалъ Государь, «что этому предшествовать должно возваніе къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ къ возстанію объявленіемъ, что мы идемъ впередъ для избавленія ихъ отъ турецкаго ига... Разрѣшенное формированіе волонтерныхъ ротъ будетъ тогда служить основаніемъ или корнемъ новыхъ ополченій въ Сербіи и Булгаріи, на что употребится зима 1854 года».

Въ Азіи предполагалось въ это время завладѣть Кобулетомъ и Батумомъ, не подаваясь далѣе впередъ, но дѣлая частые набѣги и предоставляя персамъ вести наступательную войну.

«Начало 1855 года», кончалъ Императоръ Николай свою записку, «укажетъ намъ какую надежду возлагать можемъ на собственные способы христіанскаго населенія Турціи и останутся ли и тогда Англія и Франція намъ враждебными. Мы не иначе должны двинуться впередъ, какъ ежели народное возстаніе за независимость приметъ самый обширный и общій размѣръ; безъ сего общаго содѣйствія намъ не слѣдуетъ трогаться впередъ; борьба должна быть между христіанами и турками, мы же какъ бы оставаться въ резервѣ»¹⁾).

Глубокая вѣра Государя въ правоту своихъ требованій и желаніе сохранить Турцію видны и въ этомъ планѣ военныхъ дѣйствій. Конечная цѣль операцій сводилась въ немъ не къ нанесенію Оттоманской портѣ рѣшительнаго удара, а лишь къ усугубленію мѣръ воздѣйствія, желая въ то же время сохранить цѣлость

¹⁾ Курсивъ подлинника.

Турецкой имперіи. И только продолжавшееся упорство турокъ заставило бы Императора Николая выдвинуть на очередь и поддерживать общее возстаніе христіанскихъ народностей съ цѣлью освобожденія ихъ отъ турецкаго ига, что вполне справедливо Государь почиталъ вопросомъ еще далеко не созрѣвшимъ.

Николай Павловичъ все еще продолжалъ вѣрить въ неестественность союза Англіи и Франціи съ Турціей и рассчитывалъ, что ко времени общаго возстанія христіанъ обѣ эти державы перестанутъ быть намъ враждебными.

Записка Государя была препровождена для свѣдѣнія и соображенія Паскевичу, Воронцову и Меншикову. Князю же Горчакову она была отправлена со слѣдующей припиской военнаго министра: «Ожидая вашего по сей запискѣ заключенія, Государь Императоръ желать изволить, дабы при изложеніи онаго вы не стѣснялись мнѣніемъ Его Величества, но руководствовались собственными вашими убѣжденіями» ¹⁾.

Первымъ успѣвшимъ отвѣтить на записку Государя князь Варшавскій. Онъ почиталъ себя счастливымъ, что его мысли сходились съ планомъ Императора Николая ²⁾ и лишь дополнялъ его своей идеей подготовить исполненіе этого плана въ теченіе наступающаго зимняго періода. Идея эта была довольно оригинальна и заключалась въ томъ, чтобы устроить на Дунаѣ посредствомъ флотилии и судовъ плавучій магазинъ съ боевыми и продовольственными запасами, переправиться противъ Исаки въ первой половинѣ февраля на правый берегъ Дуная и, подвигая за собой вверхъ по рѣкѣ этотъ плавучій магазинъ, а также устроенный плавучій мостъ, забирать одну за другой турецкія крѣпости, начиная съ Исаки.

Такимъ способомъ Паскевичъ полагалъ избѣжать неудобства зимней кампаніи въ отношеніи недостатка фуража и непроѣздныхъ для тяжестей въ это время года дорогъ, обезпечить занятіемъ Исаки нашъ лѣвый флангъ даже на случай чьей либо высадки, а также очищать отъ турокъ берега Дуная, этого главнаго пути нашихъ транспортовъ къ центру и правому флангу.

Соображенія свои князь Иванъ Федоровичъ излагалъ въ представленной Государю запискѣ, въ которой восхищался намѣчен-

¹⁾ Воен. мин.—кн Горчакову 3-го ноября 1853 года Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

²⁾ Всепод. письмо отъ 14-го ноября 1853 года. Арх. канц., воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

нымъ пунктомъ переправы черезъ Дунай у Видина, считая эту мысль новой и блестящей. «Она вводитъ насъ», писалъ Паскевичъ, «въ непосредственныя сношенія съ самыми воинственными племенами Турціи: сербами, болгарами и далѣе черногорцами. Обращая противъ Турціи ея собственное населеніе, она сохраняетъ наши силы и берегаетъ русскую кровь».

Предначертанный Императоромъ Николаемъ совершенно «новый» планъ, по мнѣнію Паскевича, могъ повести къ разрушенію Турецкой имперіи. «До сихъ поръ сербы», писалъ онъ, бывали въ войнахъ поддерживаемы только незначительными частями нашихъ войскъ; нынѣ же, когда флотилія, осадная артилерія и цѣлый корпусъ войскъ будутъ ихъ поддерживать, то не только Видинъ, но можетъ быть взятъ и Бѣлградъ, и тогда сербы почувствуютъ возможность быть независимыми отъ ига турецкаго».

Государь отвѣтилъ на эту записку Паскевича собственноручнымъ письмомъ отъ 21-го ноября ¹⁾. Находя, что мысли его во многомъ сошлись съ мыслями отца-командира, Николай Павловичъ однако сдерживалъ пылкую фантазію князя Варшавскаго о движеніи плавучаго магазина по Дунаю не только до взятія Силистріи, но и остальныхъ прибрежныхъ крѣпостей. Предположеніе же объ овладѣніи въ теченіе одного лѣта болѣе одной, много двумя крѣпостями Государь полагалъ совершенно не сбыточнымъ. Надежда на содѣйствіе задунайскихъ христіанъ у Николая Павловича была невелика, и до выясненія этого вопроса онъ не былъ расположенъ идти далеко за Дунай.

«Сношенія наши съ Англіей», кончалъ Государь свое письмо, «часть отъ часу хуже, и я считаю, что разрывъ неминуемъ; вѣроятно, тоже послѣдуетъ и съ Франціей, а потому крайняя осторожность необходима, чтобы быть готовымъ на все».

Князь Горчаковъ представилъ свои заключенія на планъ Государя въ двухъ запискахъ на имя военнаго министра отъ 21-го и 29-го ноября. Повторяя вкратцѣ основныя мысли начертанія Императора Николая, князь Михаилъ Дмитріевичъ признавалъ справедливость ихъ «разительною» и лишь докладывалъ противъ широкаго охвата турокъ съ обоихъ фланговъ и въ особенности противъ совершенія главной переправы въ верховьяхъ Дуная у Видина. Такія дѣйствія онъ признавалъ общающими большіе результаты, но за то и успѣхъ ихъ могъ подвергнуться случайно-

¹⁾ Ими. Николай. — Кн. Варшавскому 21-го ноября (3-го декабря) 1853 г.

стямъ, которымъ, по мнѣнію автора записки, лучше было бы не подвергаться.

Князь Горчаковъ опасался, во-первыхъ, чтобы во время форсированія нами переправы на обоихъ флангахъ, турки не двинулись бы большою массою отъ Рущука, Туртукая и Силистріи къ Бухаресту и не овладѣли бы Валахіей. Предполагая, что непріятель можетъ произвести это наступленіе болѣе, чѣмъ 80-ю тысячами, онъ считалъ, что тѣмъ двумъ пѣхотнымъ и одной кавалерійскою дивизіямъ, которыя оставались у насъ въ Валахіи, остановить турокъ было бы трудно. Даже при конечномъ задержаніи наступленія непріятели въ этомъ направленіи большая часть Валахіи на долгое время останется у него въ рукахъ, и оперирующій у Видина русскій корпусъ принужденъ будетъ отступить, дабы не лишиться продовольствія, которое онъ можетъ получать только изъ Валахіи. «Ни на Сербію», писалъ Горчаковъ, «которая бѣдна, ни на Австрію, которая даже во время войны въ Венгріи дала намъ во всю кампанію не болѣе, какъ на восемь дней хлѣба, разсчитывать нельзя».

Второе неблагоприятное обстоятельство князь Михаилъ Дмитриевичъ видѣлъ «въ крайнемъ затрудненіи, которое мы встрѣтимъ при переправѣ черезъ Дунай и учрежденіи мостовъ на сей рѣкѣ». Наши понтоны были неудобны для перевозки войскъ, а выше Видина нѣтъ ни одной рѣки, впадающей въ Дунай, гдѣ можно было бы безопасно строить суда.

Въ виду этихъ соображеній, совмѣстно съ тѣмъ условіемъ, что важныя военныя операціи можно было предпринять лишь въ половинѣ или въ концѣ апрѣля, когда просохнуть дороги и появится подножный кормъ, князь Горчаковъ полагалъ основную мысль Государя исполнить слѣдующимъ образомъ:

До начала весны выбить турокъ изъ Малой Валахіи и овладѣть Калафатомъ, если это окажется возможнымъ. Если же укрѣпленія при Калафатѣ такъ сильны, что успѣхъ штурма будетъ сомнителенъ или повлечетъ за собою большой уронъ, то авторъ полагалъ, не предпринимая штурма, вогнать непріятели въ его укрѣпленія и обнести ихъ редутами, чтобы не позволить туркамъ выходить изъ нихъ. «Дѣльно», отмѣтилъ противъ этого мѣста Императоръ Николай.

Зимою же приступить къ устройству моста близъ Галаца и ранней весной начать демонстрацію переправы, а, если окажется возможнымъ, то и самую переправу у Сатунова и Мачина или

Гирсова. Послѣ этого постараться для развлеченія вниманія непріятели овладѣть Тульчею, Исакчею, Мачинымъ и Гирсовымъ.

«Это необходимо», помѣтилъ Государь.

Какъ скоро Малая Валахія будетъ за нами упрочена, то приступить къ заготовленію судовъ въ верховьяхъ р. Жію или Ольты для переправы черезъ Дунай. Если турки предпримуть наступательныя дѣйствія на нашу сторону рѣки, то разбить ихъ; если же они останутся за Дунаемъ, то, выбравъ наиболѣе выгодное по обстоятельствамъ время, перейти рѣку выше Рущука въ числѣ примѣрно 40 тысячъ для дѣйствія въ западной Болгаріи и для возбужденія въ ней и въ Сербіи возстанія. Князь Горчаковъ полагалъ, что этотъ корпусъ, имѣя за собой хорошее мостовое укрѣпленіе, можетъ разбить въ полѣ любую турецкую армію, будетъ, базируясь на Валахію, совершенно обезпеченъ въ отношеніи продовольствія и будетъ достаточно силенъ, чтобы предпринять осаду и даже взятіе Рущука.

Судя по одобрительнымъ помѣткамъ, приведенная записка произвела отличное впечатлѣніе на Государя, который былъ склоненъ даже отказаться отъ осады Видина ¹⁾, и приказалъ отправить записку со своими замѣчаніями обратно автору «для зависящихъ соображеній и мѣропріятій» ²⁾.

Во второй своей запискѣ отъ 29-го ноября князь Горчаковъ собственно подтверждалъ первоначальные свои доводы противъ переправы у Видина, отказывался отъ мысли ограничиваться лишь демонстраціей переправы на лѣвомъ флангѣ, а признавалъ необходимымъ въ началѣ апрѣля произвести здѣсь настоящую переправу и занять край по Трояновъ валъ и лишь по окончаніи дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, примѣрно въ концѣ іюня, приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ праваго фланга, совершивъ переправу черезъ Дунай около Никополя.

Авторъ въ этой запискѣ остерегалъ Государя также отъ излишнихъ надеждъ на помощь Австріи и сербовъ. «Я не полагаю», писалъ онъ, «чтобы въ случаѣ переправы нашего праваго фланга выше Видина, можно было ожидать значительныхъ пособій отъ австрійцевъ и опасаюсь, что Австрія, избѣгая, чтобы морскія державы не приняли подобное пособіе за нарушеніе нейтралитета, не окажетъ намъ никакого содѣйствія. Относительно сербовъ я

¹⁾ «Быть можетъ вмѣсто Видина», помѣтилъ онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Горчаковъ говорилъ объ осадѣ Рущука.

²⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 1-го декабря 1853 г. № 724. Арх. канц. воен. мин. 1853 г, с. д. № 60.

также не увѣренъ, чтобы, не взирая на искреннюю преданность народа Государю Императору, они могли оказать намъ дѣйствительныя въ этомъ отношеніи пособія. Весьма быть можетъ, что теперешнее сербское правительство парализуетъ стремленіе народа въ нашу пользу, доколѣ мы не будемъ уже за Дунаемъ».

Записка эта также была испещрена собственноручными пометками Государя и признана имъ вполне основательной ¹⁾.

Но Государь не ограничился общими замѣтками, препровожденными Горчакову военнымъ министромъ, и въ двухъ собственноручныхъ письмахъ дѣлился своими мыслями съ ближайшимъ исполнителемъ военныхъ операцій на Дунаѣ.

«Твою записку о будущей кампаніи читалъ со вниманіемъ и почти во всемъ съ тобой согласенъ», отвѣчалъ Императоръ Николай князю Горчакову на первую его записку ²⁾.

«Одно только, признаюсь, считаю крайне мудренымъ—это переправиться между Рущукомъ и Никополемъ. Самая переправа мудрена, а послѣ оной придется еще овладѣть укрѣпленіями, потому, вѣроятно, встрѣтитъ подходящаго непріятеля, не имѣя ни готоваго мостового прикрытія, ни устроенаго моста. Все это такія препятствія, преодоленіе которыхъ въ одно время почти несбыточно даже нашимъ героямъ... Взвѣсь все это и успокой меня доказательствомъ, что я ошибаюсь. Потому думаю, что прежде всего должно совершить переправу на нижнемъ Дунаѣ у Сатунова, Галаца или Гирсова, гдѣ по твоимъ свѣдѣніямъ это вѣрнѣе и легче. Потомъ непременно овладѣть Исакчей, Тульчей, Мачинымъ и Гирсовымъ. Тогда Дунай нашъ до Силистріи и можно будетъ подвинуть мостъ изъ Гирсова къ Каларашу. Здѣсь, думаю, переправа будетъ легче, имѣя уже корпусъ на правомъ берегу Дуная. Тогда турки, вѣроятно, выйдутъ изъ подъ Шумлы къ Силистріи; ихъ атаковать и разбить, а затѣмъ обойти Силистрію и идти подъ Рущукъ, устроить въ удобномъ мѣстѣ переправу, мостовое прикрытіе и мостъ и тогда уже съ вѣрнымъ сообщеніемъ съ правымъ берегомъ начать осаду Рущука... Осаждать же Силистрію считаю менѣе выгоднымъ, чѣмъ Рущукъ и во всякомъ случаѣ не думалъ бы приступать ко второй осадѣ, не взявъ прежде Рущука...»

¹⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 9-го декабря 1853 г., № 734. Арх. канц. воен. мин. 1853 с. д. № 60.

²⁾ Имп. Николай кн. Горчакову 1-го (13-го) декабря 1853 г. Собств. Его Вел. библ. шк. 115, порт. 14.

Вторая записка князя Горчакова успокоила Государя относительно вызванныхъ первой запиской недоразумѣній. «Въ общихъ чертахъ», отвѣтилъ Онъ на нее князю Михаилу Дмитриевичу ¹⁾, «планъ будущей кампаніи я совершенно утверждаю, какъ изложено въ твоей запискѣ... Никогда не думалъ я начать дѣло правымъ флангомъ; напротивъ, думалъ и думаю теперь, что должно начать съ демонстрацій или переправы на лѣвомъ флангѣ... Повторяю, что сколько ни желаю, чтобы переправа у Никополя сходно твоему предположенію могла быть исполнена, но кажется предпріятіемъ весьма труднымъ». Далѣе Государь предоставляетъ Горчакову самостоятельно сдѣлать группировку войскъ и вообще распоряжаться, «какъ удобнѣе признаешь, ибо я не *iofkrigsmat* ²⁾, а даю тебѣ полную свободу, означая только мои *мысли*, а не Высочайшія повелѣнія».

«Ожидаемое сбывается», такъ заканчивалъ Государь свое письмо. «Злость англичанъ за Синопъ угрожаетъ скорымъ разрывомъ; французы умѣреннѣе и кажется не рѣшаются на это. Будемъ готовы принять ихъ, гдѣ имъ угодно. Не думаю, чтобы рисковали атаковать Севастополь, но боюсь за Черноморскій берегъ, гдѣ форты наши почти навѣрно пропадутъ, если англичане атакуютъ»...

II.

Одновременно съ перепиской по поводу плана предстоящей кампаніи между главными дѣйствующими лицами особая записка о войнѣ съ Турціей подана была и генераль-адъютантомъ Бергомъ ³⁾. Авторъ ея исходилъ изъ того заключенія, что всѣ наши успѣхи въ Малой Азіи никогда не нанесутъ серьезнаго удара Оттоманскому правительству и что, напротивъ, потеря нами тамъ хоть одного изъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ будетъ имѣть весьма опасныя для насъ послѣдствія на всемъ Кавказѣ. Поэтому наше положеніе въ Азіи, хотя бы только съ цѣлью удержать въ своихъ рукахъ пріобрѣтенное раньше, требуетъ немедленнаго и значительнаго подкрѣпленія находящихся тамъ войскъ. Лучшимъ средствомъ защиты нашей азіатской границы генераль Бергъ считалъ въ такомъ случаѣ переходъ въ наступленіе, полагая, что его можно начать въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1854 года.

¹⁾ Имп. Николай кн. Горчакову 9-го (21-го) декабря 1853 г. Собств. Его Вел. библ., шк. 115, порт. 14.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Отъ 17-го ноября 1853 года.

Что касается до отношенія враждующихъ сторонъ въ Европѣ, то, наоборотъ, тамъ положеніе турокъ являлось, по мнѣнію автора, наиболѣе опаснымъ, и мы не должны были пренебрегать выгодами наступательныхъ операцій на Балканахъ, если только этому не воспрепятствуютъ особой важности политическія обстоятельства.

Переходя къ подробностямъ, генераль Бергъ совершенно откидывалъ возможность пользоваться намъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрѣ войны, содѣйствіемъ флота на подобіе того, какъ было въ кампанію 1828—1829 годовъ, но онъ полагалъ, что, несмотря на это, мы можемъ нанести туркамъ чувствительные удары, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Считая, что мѣстныхъ кавказскихъ войскъ едва хватитъ для поддержанія порядка среди покоренныхъ народовъ, авторъ записки полагалъ, что для того, чтобы оттолкнуть турокъ до Эрзерума и обезпечить нашу границу съ Персіей, надо усилить Кавказскій корпусъ тремя дивизіями пѣхоты, 20-ю эскадронами драгунъ и бригадой уланъ съ артилеріей. Если прибавить къ нимъ хотя бы только 10 баталіоновъ кавказскихъ войскъ, то дѣйствующій отрядъ будетъ силою въ 58 баталіоновъ съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артилеріи.

Этотъ отрядъ генераль Бергъ предполагалъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ.

12 баталіоновъ въ Гуріи, которыхъ онъ считалъ достаточнымъ для удержанія съ этой стороны турокъ вплоть до Батума.

Главные силы, численностью до 30 баталіоновъ, могли бы дѣйствовать отъ Александрополя на Карсъ и Ардаганъ, по взятіи которыхъ соединить свои операціи съ Гурійскимъ отрядомъ.

Для защиты нашихъ границъ съ Персіей оставалось 16 баталіоновъ, которые должны были расположиться такимъ образомъ, чтобы брать во флангъ персидскую армію въ случаѣ ея наступленія на Шушу и Елизаветполь. Если же Персія станетъ на нашу сторону, то этотъ отрядъ долженъ былъ составить резервъ главныхъ силъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ на европейскомъ театрѣ войны, генераль Бергъ первоначально дѣлалъ расчетъ тѣмъ силамъ, которыя могли быть употреблены на этотъ случай и потомъ излагалъ слѣдующія свои предположенія.

Главные силы, изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, должны дѣйствовать въ наиболѣе прямомъ и короткомъ направленіи отъ Бухареста на Адрианополь. Онѣ должны перепра-

виться через Дунай въ томъ пунктѣ, который выберетъ командующій арміей, и тотчасъ же приступить къ осадѣ Силистріи и потомъ Рушукъ. Эти двѣ крѣпости составляютъ отличную базу для дальнѣйшихъ дѣйствій и парализуютъ неудобство отказа отъ пользованія Чернымъ моремъ. Кромѣ того, взятіе этихъ крѣпостей заставитъ турокъ выйти изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря въ Шумлѣ и дать намъ сраженіе, что, по мнѣнію автора, было бы наиболѣе выгоднымъ обстоятельствомъ.

Лѣвофланговый корпусъ, силою въ полторы дивизіи пѣхоты и дивизіи кавалеріи, долженъ будетъ, переправившись черезъ Дунай, взять Исакчу и Мачинъ, прочно утвердиться въ Бабадагской области до Троянова вала и содѣйствовать главнымъ силамъ, угрожая непріятелю, который направился бы отъ Варны къ Силистріи.

Правофланговый отрядъ, силою около бригады пѣхоты, драгунскаго корпуса и 3—4 казачьихъ полковъ, долженъ былъ постараться проникнуть въ мѣстность между Малой Валахіей, Сербіей и Софіей. Блокируя Видинъ, онъ долженъ былъ разбить турецкія войска, которыя будутъ находиться въ этой части Болгаріи, побудить сербовъ и болгаръ къ участію во враждебныхъ дѣйствіяхъ и вооружить ихъ.

Генераль Бергъ былъ увѣренъ, что всѣ эти дѣйствія заставятъ турокъ въ концѣ концовъ встрѣтить насъ въ открытомъ полѣ, и рѣшительная побѣда передастъ въ наши руки Шумлинскій укрѣпленный лагерь или дастъ намъ возможность предпочесть направленіе на Тырново и Казанлыкъ. Въ обоихъ случаяхъ въ наши руки перейдетъ большая часть Болгаріи. Лѣвый корпусъ долженъ будетъ, базируясь на Бабадагъ и Силистрію, наблюдать мѣстность между Варной и Шумлой, а правый продвинуťся до Софіи и, можетъ быть, до Филипополя.

Этотъ нѣсколько оптимистическій планъ кампаніи, не принимавшій въ расчетъ враждебныхъ дѣйствій Австріи и наступательныхъ сухопутныхъ операций англо-французовъ, былъ доложенъ Государю 29-го ноября и безъ всякихъ помѣтокъ подшитъ къ дѣлу.

Между тѣмъ, переписка между Императоромъ Николаемъ съ одной стороны и Паскевичемъ и Горчаковымъ съ другой относительно плана предстоящихъ дѣйствій продолжалась. Какъ извѣстно, Государь вскорѣ отказался отъ первоначальной своей мысли переправиться черезъ Дунай выше Видина и осадить эту крѣпость, остановившись на переправѣ ниже Силистріи и осадѣ Рушукъ. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на душу преданнаго Рос-

си и Государю князя Михаила Дмитріевича. «Свѣтлая мысль Ваша», всеподданнѣйше доносилъ онъ ¹⁾, «сдѣлать вторичную переправу черезъ Дунай нѣсколько ниже Силистріи отстраняетъ всѣ дѣйствительно большія трудности форсированія перехода рѣки выше Рущука»...—Мой сонъ съ этой минуты пересталъ быть тревожнымъ—патетически восклицалъ онъ въ письмѣ къ военному министру ²⁾).

Князь Иванъ Федоровичъ вводилъ новую поправку въ предстоящія операціи, вызванную особой враждебностью къ намъ западныхъ державъ послѣ Синопской побѣды. Онъ вполне основательно предполагалъ, что, можетъ быть, англо-французы захотятъ поддержать турокъ и сдѣлаютъ въ Варнѣ десантъ въ 30—40 тысячъ, чтобы, имѣя въ рукахъ Силистрію, прорвать нашъ центръ. Для отвращенія этой опасности фельдмаршалъ сообщалъ Государю родившуюся у него, а въ дѣйствительности лишь нѣсколько измененную первоначальную мысль предупредить противника и раннею весною обезпечить нашъ лѣвый флангъ и центръ взятіемъ малыхъ крѣпостей и даже Силистріи, а затѣмъ уже дѣйствовать по предложенному плану ³⁾).

Такимъ образомъ первоначальная идея осады Силистріи была высказана Паскевичемъ, которому впоследствии судьба вручила и ея исполненіе. Государь вполне присоединился къ мнѣнію своего отца-командира. «Мысль твою», писалъ Николай Павловичъ ⁴⁾, «завладѣть маленькими турецкими крѣпостями и приступить къ осадѣ Силистріи раздѣляю, и я сообщилъ Горчакову».

Болѣе подробно князь Варшавскій излагалъ свои мысли въ проектѣ весьма длиннаго письма на имя князя Горчакова, которое онъ рѣшилъ, вмѣсто того, чтобы отправить по назначенію, представить Государю Императору ⁵⁾. Смѣемъ думать, что прямая цѣль этой работы, состоявшей въ большей своей части изъ критики дѣйствій и предположеній командовавшаго войсками на Дунаѣ, была именно Петербургъ. Если же и былъ принятъ авто-

¹⁾ Всепод. письмо кн. М. Д. Горчакова 13-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 88.

²⁾ Кн. Горчаковъ воен. министру 9-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

³⁾ Всепод. письмо князя Варшавскаго 5-го (17-го) декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

⁴⁾ Имп. Николай кн. Варшавскому 16-го (28-го) декабря 1853 г. Собственная Его Велич. библ.

⁵⁾ Всепод. письмо князя Варшавскаго отъ 29-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

ромъ такой оригинальный способъ всеподданнѣйшаго доклада, то, кромѣ дружбы, которою дарилъ Государь Паскевича, надо полагать, къ этому были и другія причины. Записки князя Михаила Дмитриевича о предстоящихъ дѣйствіяхъ удостаивались особаго вниманія Государя, который вообще былъ къ нему весьма милостивъ; князь же Варшавскій былъ не изъ тѣхъ характеровъ, которые легко дѣлились своей славой съ другими. Къ тому же въ письмѣ на имя своего друга можно было болѣе разносторонне, чѣмъ въ сухомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, выставить и его, и себя.

Вслѣдъ за длинными возраженіями на предположенія Государя, подробно разработанныя княземъ Горчаковымъ, Паскевичъ въ проектъ своего письма переходилъ къ изложенію плана дѣйствій. Это въ общемъ повтореніе первоначальнаго его предположенія о переправѣ еще зимою, въ февралѣ мѣсяцѣ, черезъ Дунай на низовьяхъ его съ цѣлью подвигаться вверхъ по рѣкѣ правымъ ея берегомъ, забирая всѣ крѣпости и пользуясь Дунаемъ, какъ коммуникаціонной линіей. Новаго здѣсь было только то, что авторъ, опасаясь усиленія турецкой арміи англо-французами, предполагалъ болѣе основательно занять низовья Дуная, перебросивъ тамъ на правый берегъ рѣки болѣе многочисленный отрядъ, чтобы въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ быть вполне обезпеченнымъ отъ поползновенія морскихъ державъ со стороны устья Дуная, и скорѣе приступить къ осадѣ Силистріи, взятіе которой вполне обезпечивало нашъ центръ отъ прорыва.

На всю операцію переправы, взятія Исакчи, Мачина, Гирсова, подхода къ Силистріи и очищенія рѣки отъ непріятельскихъ судовъ Паскевичъ предполагалъ достаточнымъ 24—25 дней и, при началѣ переправы въ концѣ февраля, считалъ возможнымъ подойти къ Силистріи въ половинѣ марта, немедленно приступить къ осадѣ ея, что, по его мнѣнію, можно было бы окончить въ три недѣли.

Дальнѣйшія мысли князя Ивана Федоровича настолько интересны въ смыслѣ характеристики его собственныхъ дѣйствій, когда онъ лично сталъ во главѣ Дунайской арміи, что мы приводимъ ихъ ниже въ подлинникѣ.

«Мудрено, чтобы турки», писалъ Паскевичъ, «хладнокровно смотрѣли, что мы взяли у нихъ три крѣпости и подошли къ четвертой, столь для нихъ важной. Хотя имъ трудно будетъ тащить и хлѣбъ, и фуражъ, и артилерію, но они, вѣроятно, постараются собрать сюда всю свою армію. Этого я бы и желалъ и объ одномъ сожалѣлъ бы, что не могъ заставить ихъ собраться еще прежде,

когда прокормиться имъ было бы еще труднѣе. У насъ было бы всего до 85 тысячъ человекъ, а съ такими силами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ европейской арміи. Турокъ же можно надѣяться разбить и разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать по крайней мѣрѣ на два перехода. Не слѣдуетъ забывать, что у турокъ армія одна; послѣ неудачи они долго не соберутъ другой арміи, и тогда откроется большое поле для дѣйствій куда угодно. Здѣсь представляется соблазнительная мысль: разсѣявъ непріятельскую армію, идти на Шумлу, но, подумавъ хорошенько, я нахожу, что это удалило бы насъ отъ главнаго предмета, т. е. дѣйствій съ праваго фланга посредствомъ сербовъ и другихъ христіанскихъ племенъ».

По взятіи Силистріи Паскевичъ полагалъ половину укрѣпленной уничтожить и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать оборонительно, если Европа будетъ угрожать намъ войной на западной границѣ, или наступательно по принятому плану. Что же касается до привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, то авторъ предполагалъ, впредь до выясненія обстоятельствъ относительно десанта французовъ, оказывать сербамъ лишь матеріальную поддержку. Дальнѣйшіе же успѣхи и возстаніе другихъ христіанскихъ племенъ, могло, по мнѣнію Паскевича, потрясти турецкую имперію.

«Можетъ быть», заканчивалъ свое письмо князь Варшавскій, «я представляю все въ слишкомъ хорошемъ видѣ; знаю, что на войнѣ иногда одно обстоятельство разрушаетъ планъ дѣйствій, но не забудьте, что у турокъ армія одна; другую они соберутъ не скоро, а, въ случаѣ успѣха при дальнѣйшихъ удачныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ, сообразно предначертанному плану, кампанія можетъ окончиться въ Адрианополѣ. Даже не при столь блестящемъ успѣхѣ вся Болгарія въ нашихъ рукахъ. Тогда пусть англичане и французы владѣютъ Чернымъ моремъ, они ничего намъ не сдѣлаютъ...

«Не осудите, любезнѣйшій князь, если я, увлекаясь интересомъ самого предмета, говорилъ со всею откровенностью, но сами вы согласитесь, что здѣсь дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, для всѣхъ насъ столь драгоцѣнныхъ: о славіи Государя и Россіи и о чести русскаго оружія».

Императоръ Николай начерталъ на этомъ письмѣ, между прочимъ, слѣдующее: «почти все согласно съ моимъ мнѣніемъ, кромѣ того, что князь считаетъ важнѣе взять Силистрію, чѣмъ Рущукъ

быть можетъ, что такъ; пусть князь Горчаковъ рѣшитъ по обстоятельствамъ...»

Такимъ образомъ откровенныя мысли Паскевича дошли до адресата, но нѣсколько кружнымъ путемъ.

Князь Горчаковъ въ своей запискѣ отъ 13-го декабря радовался свѣтлой мысли Государя о вторичной переправѣ черезъ Дунай ниже Силистріи и останавливался лишь на подробностяхъ исполненія этого плана. Но въ дополненіе къ этой запискѣ онъ представилъ 3-го января 1854 года вторую (записку ¹⁾), въ которой, почти одновременно съ представленнымъ мнѣніемъ Паскевича, онъ высказывалъ тождественную съ нимъ мысль о необходимости овладѣнія Силистріей, если только будетъ имѣться въ виду высадка вспомогательнаго европейскаго корпуса въ Варнѣ. Взятіе же Рущука произвести уже послѣ этого или даже ограничиться только наблюденіемъ за этой крѣпостью, распространивъ поиски въ направленіи къ Шумлѣ, Разграду и западнѣе для оживленія возстанія христіанскихъ племенъ.

Почти одновременно послѣдовавшія отъ князя Паскевича и князя Горчакова предложенія вмѣсто Рущука осаждать Силистрію, видимо, не понравились Государю, такъ какъ они шли въ разрѣзъ съ его мыслью поддержать возстаніе сербовъ и оказать существенную помощь христіанскому населенію Турціи въ завоеваніи собственными руками своей свободы. «Тутъ многое не такъ», помѣтилъ Государь, «и не отвѣчаетъ тому, что хочу и о чемъ писалъ». Относительно осады Силистріи Императоръ Николай помѣтилъ: «Такъ думаетъ князь Варшавскій, но это жаль будетъ, ибо отдалить насъ отъ цѣли поднять христіанъ и подать имъ помощь, что оттуда далеко будетъ». Взятіе послѣ Силистріи Рущука Государь считалъ необходимымъ, а «подъ Шумлу отнюдь и думать не должно ходить».

Однако, Императоръ Николай высказывалъ нѣкоторую двойственность въ отношеніи намѣренія привлечь христіанъ къ возстанію. Съ одной стороны преемственная для русскихъ государей мысль видѣть, наконецъ, своихъ угнетаемыхъ единоплеменниковъ свободными и при томъ получившими свободу собственными усилиями лишь при помощи и подѣ руководствомъ великой Россіи, должна была увлекать Николая Павловича, съ другой же стороны онъ опасался, чтобы все это освободительное движеніе не выли-

1) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

лось въ простое революціонное броженіе наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, что было такъ противно духу и характеру Императора Николая.

«Раздѣляю тоже мнѣніе твое и по сербскому дѣлу, и по предложеніямъ греческой этеріи», писалъ Государь князю Горчакову почти одновременно съ помѣщенной выше его собственноручной помѣткой ¹⁾. «Признаюсь, не охотникъ я до нихъ, ибо явно пахнетъ революціонной *воиню* ²⁾ тѣмъ болѣе, что начать хотять мимо воли короля греческаго, который на дняхъ просилъ моего совѣта и которому отвѣчалъ, что прошу его сидѣть спокойно у моря и ждать погоды. Рано еще пока ему начинать, позднѣе увидимъ! Признаюсь, что и сербамъ еще большой вѣры не даю, ибо много и у нихъ моральной порчи. И такъ, намъ полезно быть осторожными и все эти затѣи держать въ запасѣ»...

Но Государю хотѣлось вѣрить въ то, что можетъ быть христіанскія народности Турціи и, въ особенности, сербы выросли уже до общаго движенія съ цѣлью завоевать свою самостоятельность, а потому ему трудно было отказаться отъ осады Рущука вмѣсто Силистріи, хотя, полный вѣры въ своихъ помощниковъ, онъ вновь подчинялъ свое мнѣніе мнѣнію Паскевича и Горчакова, дѣлая лишь слабыя попытки отстоять цѣльность собственнаго плана.

«Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я твое письмо къ Горчакову», писалъ Императоръ Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1854 года, «и радъ былъ удостовѣриться въ томъ, что мы почти одинаково думаемъ на счетъ предстоящей кампаніи. Въ одномъ только я не рѣшаюсь. Конечно, Силистрія важный пунктъ, въ особенности былъ бы онъ необходимъ въ рукахъ нашихъ, ежели бы по примѣру 1828 и 1829 годовъ направленіе наше было бы на Шумлу, Варну или на Балканы. Но мнѣ кажется, что рѣшась какъ ты самъ предлагалъ, стараться болѣе дѣйствовать черезъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, а намъ быть въ резервѣ, не правильнѣе ли овладѣть Рущукомъ и тамъ или близко къ оному имѣть прямую переправу въ самый центръ Валахіи, тѣмъ болѣе, что мы этимъ будемъ среди болгаръ и близъ сербовъ, ежели на нихъ считать хотимъ... Далѣе же Рущука идти впередъ мы можемъ тогда только, ежели возстаніе христіанъ будетъ *общее*, что должно оказаться скоро послѣ взятія Рущука; овладѣніе же Силистріей полагаю не произвело бы еще на нихъ такого дѣйствія, ибо далеко отъ нихъ».

1) Имп. Николай—кн. Горчакову 24-го декабря 1853 г.

2) Курсивъ подлинника.

Да и не мудрено, что Государь подчинялъ свое мнѣніе взглядамъ князя Варшавскаго. «Довѣріе мое къ тебѣ», писалъ онъ въ томъ же письмѣ, «неограничено и ежели опять настанетъ, какъ кажется нынѣ, тяжелое время, меня успокаиваетъ, что на твою помощь и совѣты я могу вполне полагаться».

Прошло три недѣли и мрачныя тучи надъ Россіей все болѣе и болѣе сгущались. Разрывъ съ западными державами былъ неминуемъ, надежды на Австрію и Пруссію падали, и посылка довѣренныхъ лицъ Государя къ обоимъ дворамъ потерпѣла неудачу. Къ тому же пережитыя волненія не могли не отразиться на здоровьѣ Императора Николая. Одинаково сильный до послѣдней минуты своей жизни духомъ, онъ тѣмъ не менѣе начиналъ угасать и ослабѣвать физически. Все это еще болѣе заставляло его обращать вниманіе на князя Варшавскаго, и вліяніе фельдмаршала въ смыслѣ направленія военныхъ операцій должно было возрастать. Грустью дышать слѣдующія строки письма Государя къ Паскевичу¹⁾.

«Пролежалъ 13 дней въ подагрѣ! Не могъ ранѣе отвѣчать, любезный отецъ-командиръ на письмо твое 11 (22) Января. Обстоятельства дѣлаются болѣе и болѣе грозными и напоминаютъ положеніе наше въ 1812 году. Писать и переписываться обо всемъ никакъ нельзя, потому мнѣ весьма желательно, чтобы ты, ежели можешь, прибылъ сюда хотя на короткое время, дабы лично обмѣняться мыслями и условиться обо многомъ къ предстоящимъ обстоятельствамъ. Молю Бога, чтобы онъ меня наставилъ на свою свѣтлую волю, но мнѣ нужна твоя дружба и твои совѣты, чтобы смѣлѣе дѣйствовать къ лучшему. Итакъ, буде можешь, пріѣзжай и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я еще очень слабъ и устаю скоро; другой день, что выѣзжаю. Въ Берлинѣ полная неудача, какъ я и впередъ ожидалъ; небольшую надежду питаю па удачу Орлова въ Вѣнѣ и покуда еще ничего отъ него не получалъ, что считаю уже дурнымъ знакомъ».

Единственнымъ утѣшеніемъ Государя въ это тяжелое время былъ патріотическій подъемъ русскаго общества. «Здѣсь все тихо», писалъ онъ Паскевичу нѣсколько раньше²⁾, «холодно, какъ давно не было, но не въ сердцахъ, которыя прямо русскія, какъ отрадно видѣть».

¹⁾ Имп. Николай—князю Варшавскому 26-го января (7-го февраля) 1854 г. Собств. Его Вел. библ. шк. 115, порт. 14.

²⁾ Императоръ Николай—кн. Варшавскому 5 (17) Января 1854 г. Собст. Его Вел. Библ. Шк 115, порт. 14.

Но въ то время, когда Государь возлагалъ всѣ свои надежды на князя Варшавскаго, этотъ послѣдній, подѣ вліяніемъ двуличной политики Австріи, потерялъ спокойствіе духа и впервые проявилъ зачатки подчиненія той доминирующей идеѣ, которая наложила отпечатокъ на направленіе всей его дальнѣйшей дѣятельности, связала намъ руки и, можетъ быть, парализовала успѣхъ всей кампаніи. Мысль эта—боязнь наступательной войны со стороны Австріи.

«Всемиловѣйшій Государь», всеподданнѣйше писалъ Паскевичъ 23 января 1854 года ¹⁾ «изъ депеши графа Орлова узналъ я отвѣтъ Австріи. Не ожидалъ я, чтобы Австрія отказала подписать актъ, которымъ Ваше Императорское Величество предлагать ей изволили быть только нейтральною. Хотя она и общаетъ нынѣ оставаться въ положеніи наблюдательномъ, но можно ли ручаться, чтобы боязнь Англіи и Франціи не поставила ее вскорѣ совершенно противъ насъ. Какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, о томъ могутъ быть разныя предложенія. Не придется ли обратиться часть войскъ для охраненія нашихъ западныхъ границъ и тѣмъ удержать Австрію отъ непріязненныхъ дѣйствій. Жаль, если не найдется средства теперь же заключить мира съ Турціей безъ вмѣшательства другихъ державъ, хотя бы только на основаніи прежнихъ трактатовъ, предоставивъ себѣ возмездіе впоследствии».

Результатомъ такихъ опасеній были настоятельныя просьбы князя Варшавскаго объ усиленіи войскъ на австрійской границѣ. Исполняя эту просьбу повелѣніемъ немедленно направить въ Варшаву гренадерскій корпусъ и подготовленіемъ къ походу на Каменецъ-Подольскій 17-й пѣхотной дивизіи, Государь на эту послѣднюю мѣру, однако, не рѣшался сразу. «Все это», кончалъ онъ свою записку военному министру по поводу дѣлаемыхъ распоряженій ²⁾, «родилось въ мысляхъ князя по прочтеніи депешъ изъ Вѣны; онъ ожидаетъ войны съ Австріей, что они насъ возьмутъ *въ тылъ* ³⁾; я не вѣрю этой крайности».

III.

Разрывъ съ западными державами, отказъ Австріи и Пруссіи отъ заключенія договора о взаимномъ нейтралитетѣ и выставленіе первой изъ нихъ обсерваціоннаго корпуса на границѣ съ Сербіей

¹⁾ Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г. с. д. № 9.

²⁾ Отъ (?) Февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 60.

³⁾ Курсивъ, подлинника.

заставили Императора Николая нѣсколько измѣнить свой планъ предстоящихъ операций и окончательно остановиться на осадѣ Силистріи.

«Все это», писалъ Государь князю Горчакову, «ничуть не измѣняя ни моихъ намѣреній, ни рѣшимости дѣйствовать сильно, требуетъ, однако, кажется мнѣ, нѣкоторыхъ перемѣнъ въ планѣ дѣйствій».

Государь признавалъ необходимымъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи въ Малой Валахіи, перейти возможно скорѣе Дунай въ его низовьяхъ, овладѣть малыми крѣпостями и немедленно приступить къ осадѣ Силистріи, чтобы въ ней имѣть твердый пунктъ на лѣвомъ флангѣ, а затѣмъ поднять вверхъ по рѣкѣ нашу флотилію и тѣмъ вѣрнѣе приступить къ осадѣ Рущука. Обойтись безъ взятія этой послѣдней крѣпости Государь не считалъ возможнымъ, какъ для твердаго обладанія Дунаемъ, такъ и для помощи сербамъ, если ихъ возстаніе сдѣлается грознымъ для турокъ. «Свѣдѣнія о готовности сербовъ таковы», писалъ Николай Павловичъ, «что даютъ мнѣ полную надежду на ихъ содѣйствіе, *коль скоро мы будемъ за Дунаемъ*» ¹⁾. Имѣя со взятіемъ Силистріи и Рущука сильную позицію на Дунаѣ, Государь не предполагалъ углубляться внутрь страны, «доколѣ не объяснится, какое вліяніе на дѣла имѣть будетъ возстаніе христіанъ и въ какой силѣ оно разовьется».

Между тѣмъ, князь Горчаковъ на мѣстѣ дѣлалъ необходимыя приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай, производство которой должно было всецѣло лечь на его плечи. Первоначальное желаніе Государя и князя Варшавскаго переправиться черезъ рѣку возможно скорѣе, примѣрно въ февралѣ, воспользовавшись для этого замерзаніемъ Дуная, было отмѣнено, въ виду рискованности такого предпріятія, зависѣвшаго отъ весьма случайныхъ данныхъ—времени, въ общемъ весьма незначительнаго, пока рѣка бываетъ скована льдомъ. Самую операцію рѣшено было, по совѣщаніи съ командиромъ расположеннаго на низовьяхъ Дуная 5-го корпуса генераломъ Лидерсомъ, произвести въ началѣ марта, причемъ главныя силы должны были переправиться у Браилова, противъ Мачина; вспомогательную же переправу или демонстрацію произвести одной бригадой отъ Измаила около Тульчи. Главныя силы ввѣрялись генераль-адъютанту Лидерсу, переправа же у Измаила—начальнику 7-й пѣх. дивизіи генералу Ушакову. На правомъ бе-

¹⁾ Курсивъ подлинника.

регу всѣ войска вступали подъ общее руководство Лидерса и должны были овладѣть крѣпостями Тульчей, Исакчей, Мачинымъ и Гирсово.

Однако, продолжать немедленно дальнѣйшее движеніе къ Силистріи князь Горчаковъ считалъ невозможнымъ. «Ваше Императорское Величество», всеподданнѣйше писалъ онъ по этому поводу ¹⁾, «изволили выразить, что, если буду къ началу апрѣля подъ Силистріей, то успѣхъ будетъ несомнѣнный. Осмѣливаюсь доложить, что пребываніе нашихъ войскъ за Дунаемъ, до времени просушки дорогъ и появленія хорошей травы, въ высшей степени трудно, даже если они будутъ оставаться около нашихъ мостовъ, ибо необходимо будетъ имъ подвозить не только провіантъ и зерновой фуражъ, но и самое сѣно. Поэтому я полагалъ до появленія хорошей травы ограничиться взятіемъ крѣпостей Дуная и устройствомъ хорошихъ мостовыхъ укрѣпленій противъ Сатунова и у Гирсова; идти же къ Черноводамъ и Силистріи или въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая».

Государь, не безъ вліянія тѣхъ опасеній и страховъ, которые царили въ душѣ бывшаго въ то время въ Петербургѣ князя Варшавскаго и о которыхъ будетъ сказано ниже, сдѣлалъ слѣдующую помѣтку на письмѣ Горчакова: «Теперь будетъ кстати Горчакову писать, *что весьма довольно покуда* ²⁾ будетъ, ежели и все, что онъ пишетъ, что будетъ предпринято, благополучно исполнится».

Но почти въ тотъ же день, когда командующій войсками на Дунаѣ окончательно остановился на пунктѣ и времени переправы и доносилъ объ этомъ Государю, князь Варшавскій писалъ ему изъ Петербурга первое предостереженіе и вливалъ въ его и безъ того нерѣшительную душу первыя колебанія ³⁾. «Въ настоящихъ обстоятельствахъ», писалъ онъ, «когда дѣла идутъ съ такою быстротою, что каждый день приноситъ что либо новое, измѣняя отношенія наши къ Европѣ и уничтожая наши прежніе расчеты, мы находимся въ необходимости, сообразно новому нашему положенію, измѣнить, можетъ быть, и прежніе наши планы».

Разсчитывая, что турки имѣютъ подъ ружьемъ на европейскомъ театрѣ 180 тысячъ, князь Варшавскій полагалъ, что за исключе-

¹⁾ Всепод. пис. кн. Горчакова 16-го февраля 1854 г. изъ Браилова. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

²⁾ Курсивъ поддлинника.

³⁾ Кн. Варшавскій—кн. Горчакову 17-го февраля 1854 г. Воен. уч. арх. отд. 2 д. № 3358.

ніемъ гарнизоновъ по Дунаю и Балканамъ, они могутъ выставить въ поле для дѣйствія противъ насъ 60 тысячъ лучшихъ войскъ, къ которымъ надо прибавить еще около 50 тысячъ англичанъ и французовъ. Мы могли выставить для дѣйствія за Дунаемъ лишь 66 тысячъ, съ которыми Паскевичъ полагалъ невозможнымъ разбить 110 тысячную армію и въ то же время брать крѣпости по Дунаю.

На правомъ флангѣ обстановка также измѣнилась. Австрія, поставивъ войска на своей военной границѣ, могла угрожать нашей коммуниціи въ Валахіи, и князь переставалъ вѣрить въ ея нейтралитетъ. «Видно» писалъ онъ, «Австрія разочла, что ей выгоднѣе быть противъ насъ».

Все это, по мнѣнію фельдмаршала, заставляло насъ, прежде чѣмъ переходить Дунай, подумать, какія слѣдуетъ употребить средства въ такихъ критическихъ для насъ обстоятельствахъ.

Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма произошло событіе, которое несомнѣнно играло большую роль въ ходѣ дальнѣйшихъ операцій нашихъ на Дунаѣ. Князь Варшавскій 21 февраля былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами на западной и южной границахъ и собрался лично отправиться на Дунай. За княземъ Горчаковымъ были сохранены всѣ предоставленныя ему раньше права и обязанности во время отсутствія Паскевича изъ южной арміи. Въ присутствіи же фельдмаршала онъ вступалъ въ должность его начальника штаба. «И такъ», сообщалъ объ этомъ князь Иванъ Федоровичъ своему бывшему начальнику штаба, «мы будемъ опять работать и трудиться вмѣстѣ, любезнѣйшій князь, съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и всегда» ¹⁾.

Съ этого времени началось слишкомъ настойчивое опасеніе со стороны фельдмаршала наступленія австрійцевъ въ тылъ нашей Дунайской арміи, нежеланіе переходить Дунай и стремленіе держаться впредь въ оборонительномъ положеніи на лѣвомъ берегу и даже отойти въ будущемъ за линію Серета. Если бы не опредѣленная воля Императора Николая и не неожиданная рѣшимость Горчакова, то Дунайской кампаніи не суждено было бы украситься единственной блестящей операціей—мартовскимъ переходомъ черезъ Дунай.

¹⁾ Кн. Варшавскій кн. Горчакову 24-го февраля 1854 г. Спб. «Рус. Стар.» 1876 г., февраль, стр. 388.

Извѣщая о своемъ назначеніи, Паскевичъ въ секретномъ письмѣ ¹⁾ сообщалъ Горчакову, что при настоящемъ положеніи вещей идти впередъ противъ Турціи и думать нельзя, а рекомендо- вать ограничиться взятіемъ Тульчи, Исаки, Мачина и, если не встрѣтятся особыхъ препятствій, то и Гирсова, устроивъ сильные предмостныя укрѣпленія.

Войска изъ Малой Валахіи онъ предлагалъ оттянуть и съ глав- ными силами маячить на лѣвомъ берегу Дуная, стараясь выма- нить непріятеля и разбить его. Въ то же время имъ обращалось особое вниманіе на обезпеченіе фланговъ и тыла, какъ со сто- роны Одессы, въ случаѣ высадки вблизи нея англо-французскихъ десантовъ, такъ и со стороны австрійцевъ.

Всѣ эти предположенія были одновременно подтверждены Па- скевичемъ Горчакову въ формѣ офиціального предписанія ²⁾.

Съ своей стороны и Государь въ тотъ же день писалъ Горча- кову, что, считая успѣшную переправу черезъ Дунай весьма важ- нымъ шагомъ, онъ находилъ, что, до выясненія двуличности Ав- стріи и направленія удара морскихъ державъ, начинать движеніе къ Силистріи не слѣдовало ³⁾.

На слѣдующій день опасенія князя Варшавскаго еще болѣе увеличились, и онъ секретно сообщалъ князю Горчакову ⁴⁾, что угрозы Австріи и Пруссіи не позволяютъ уже намъ думать о дѣй- ствіяхъ за Дунаемъ, а надобно помышлять о своихъ сообщеніяхъ въ тылу. Поэтому Горчакову предлагалось очищать магазины въ Малой Валахіи, имѣя въ виду, что, по всей вѣроятности, наша армія продержится еще мѣсяца полтора около Бухареста, а по- томъ сосредоточится между Бузео, Браиловымъ и Серетомъ. Въ концѣ своего письма фельдмаршалъ предлагалъ расплачиваться ассигнаціями въ краю, «который мы намѣрены оставить». Во все- подданнѣйшей же запискѣ, представленной въ тотъ же день, князь Варшавскій высказывалъ свои опасенія въ менѣе рѣшительной формѣ и лишь предлагалъ не брать Гирсова, а ограничиться только

1) Тамъ же.

2) Паскевичъ кн. Горчакову 24-го февраля 1854 г. № 138. Воен. учен. арх. отд. 2, д. № 3358.

3) Императоръ Николай князю Горчакову 24-го февраля 1854 г. Собственная Его Вел. библ., шк. 115, порт. 14.

4) Князь Варшавскій князю Горчакову 25-го февраля 1854 г. «Русская Стар.» 1876 г., февраль. стр. 392.

взятіемъ Тульчи, Исакчи и Мачина и устройствомъ въ этомъ послѣднемъ моста и сильнаго укрѣпленія ¹⁾).

27-го февраля ²⁾ фельдмаршалъ предписалъ Горчакову для исполненія не брать Гирсова и готовиться начать отходить отъ Бухареста за р. Сереть съ 1-го мая ³⁾).

¹⁾ Зап. кн. Варшавскаго 25-го февраля 1854 г. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.

²⁾ Князь Варшавскій князю Горчакову 27-го февраля 1854 г. № 26. Арх. воен. уч. ком., отд. 2, № 3358.

³⁾ По словамъ князя Варшавскаго, относящимся къ позднѣйшей эпохѣ, въ этотъ же день имъ была представлена Государю новая всеподданнѣйшая записка, въ которой онъ шелъ противъ мнѣнія всѣхъ «въ ту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками». Мы не пользуемся этой запиской для изслѣдованія плановъ предстоявшихъ военныхъ операций, такъ какъ не имѣемъ никакихъ документальныхъ данныхъ о томъ что это произведеніе фельдмаршала дѣйствительно было представлено Императору Николаю; не можемъ также фактически утверждать, что оно вышло изъ подъ пера князя Варшавскаго позднѣе, когда надъ Россіей пронеслась уже кровавая туча сведшая въ могилу Царя—рыцаря. Но самый фактъ появленія въ свѣтъ записки Паскевича, весьма заботившагося, по словамъ современниковъ, о томъ, что о немъ будетъ писать исторія, настолько характеренъ, что мы считаемъ необходимымъ не только здѣсь упомянуть о ней, но даже и привести этотъ интересный документъ.

Надо замѣтить, что въ нашихъ архивахъ съ замѣчательной аккуратностью сохранились не только всѣ письма и записки, восходившія до Государя, но даже и второстепенныя: той же записки князя Варшавскаго, о которой идетъ рѣчь, мы ни въ одномъ архивѣ найти не могли. Исторія сохраненія ея для потомства состоитъ въ слѣдующемъ:

Осенью 1855 года, когда Паскевичъ былъ одержимъ уже своимъ смертельнымъ недугомъ, князь Горчаковъ прислалъ ему обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе Крымской арміей. Фельдмаршалъ, не смотря на физическія страданія, продиктовалъ 16-го сентября 1855 года, по прочтеніи записки, свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ, рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи. Замѣчанія эти были диктованы въ формѣ письма къ князю Горчакову, которое, однако, не было отправлено по назначенію. Въ 1868 году письмо это было доставлено начальникомъ штаба Виленскаго военнаго округа военному министру и нынѣ хранится въ воен. уч. арх. гл. шт. отд. 1, д. № 839. Въ сокращенномъ видѣ оно было напечатано въ «Рус. Старинѣ» 1872 г. и въ полномъ видѣ въ запискахъ П. К. Менькова. Мы здѣсь приводимъ ту часть письма, которая относится къ январю и февралю 1854 года.

«Признаюсь», писалъ фельдмаршалъ князю Горчакову, «я виноватъ передъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь. Покойный Государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользой можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ. въ 1854 году

Императоръ Николай боролся по мѣрѣ силъ, какъ съ преувеличенными страхами Паскевича относительно опасности, грозившей со стороны Австріи, такъ и съ привычкою фельдмаршала путать князя Горчакова и руководить изъ Петербурга всѣми подроб-

когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ Княжествахъ.

Я пришелъ къ Государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ вполнѣ скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— «Отець-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженіе подъ Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба».

Сознаюсь, былъ крайне удивленъ, услышавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется, слово въ слово отвѣтъ мой Государю:

— «Позвольте, Ваше Величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года; знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ большою пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ воста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстѣ».

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— «Дай Богъ, отець-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить».

Послѣ сего разговора Государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи обязанъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно соглашаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, а въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія, мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія вполнѣ Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному Государю записку слѣдующаго содержанія:

«Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сушомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили войну, Австрія, можно сказать на ихъ сторонѣ, Пруссія можетъ быть также увлечена скоро. Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.

ностями его дѣйствій на Дунай. Чтобы подтвердить то огромное вліяніе, которое имѣлъ Паскевичъ на Государя, приведемъ слѣдующую весьма характерную записку Императора Николая военному министру отъ 28-го февраля 1854 года ¹⁾: «Мнѣ удалось

При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ, весь 1811 годъ устраивали резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 году, начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами. Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться. Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріею противъ насъ. Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высадятся на Черноморскихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а, отступая, не найдемъ магазиновъ.

Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но, вѣроятно, избѣгнетъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣпръ и, отнявъ Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и въ Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею боремся не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать, что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобы назначить сроки нашего выстушенія изъ княжествъ въ одно время съ непріятельскимъ флотомъ: 1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ—изъ Босфора.

3-й срокъ. Мы очищаемъ Молдавію; флотъ оставляетъ Дарданеллы.

О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленія сроковъ и приготовленія къ отступленію заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

Австрія боялась бы сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тысячъ на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора, два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины, словомъ, займемъ стратегическія пункты и приготовимъ продовольствіе.

Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться въ центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлать ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Есднѣ ихъ можно было преду-

¹⁾ Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. л. № 60.

убѣдить князя Варшавскаго ничего не измѣнять въ *прежнемъ* ¹⁾, кромѣ того только, что буде можно или нужно будетъ, то 7-ю легкую дивизію подведетъ ближе къ Варшавѣ. Просиль его тоже не сбивать съ толку Горчакова частыми приказаніями въ родѣ гофкригерата. Главныя мысли должны ему быть начертаны здѣсь, исполненіе же и примѣненіе къ обстоятельствамъ вполнѣ ему предоставлено на его отвѣтственность, иначе выйдетъ вздоръ. Настой на этомъ и послѣ моего отъѣзда».

Но въ то время, когда Паскевичъ противился наступленію на Дунай, князь Меншиковъ смотрѣлъ на эту операцію иначе. «Съ большимъ удовлетвореніемъ», писалъ онъ князю Горчакову ²⁾, «узналъ я изъ вашихъ писемъ, что вы предполагаете перейти Дунай между 7 и 10 числами раньше, чѣмъ успѣють отнять у васъ эту заслугу ³⁾. Наступайте на Омера-пашу, вы его разобьете и этимъ оттянете время англо-французской экспедиціи, что спасетъ Севастополь и Крымъ» ⁴⁾.

Не безъ сильныхъ, видимо, сомнѣній и не безъ большого вліянія Паскевича Государь отказался отъ мысли энергичныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная для взятія Силистріи и Рущука и въ началѣ марта начерталъ новый планъ кампаніи на 1854 г.

«Почти съ каждымъ днемъ», писалъ онъ Горчакову ⁵⁾, «положеніе дѣлъ становится для насъ грознѣе черезъ неслыханную неблагодарность императора австрійскаго. Оно дошло до того, что вынудило меня начертать новый обзоръ или планъ дѣйствій, соотвѣтственный теперешнему положенію нашихъ соотношеній. Князь Иванъ Федоровичъ его одобрилъ и тебѣ сообщаетъ. Это, повторяю, не предписаніе *гофкригерата*, но обзоръ необходимый положенія нашего и того, что мы въ такихъ обстоятельствахъ пред-

предить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впоследствии при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаграждаются.

Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить, но со временемъ Россія пойметъ, что отъ того зависѣла ея судьба и благословить, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!»

1) Курсивъ подлинника.

2) Кн. Меншиковъ кн. Горчакову 5-го марта 1854 г. Арх. воен. учен. ком. отд. 2, д. № 4253.

3) Въ это время въ Севастополѣ было уже пзвѣстно о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ и о предстоящемъ прибытіи его на Дунай.

4) Переводъ съ французскаго.

5) Имп. Николай—кн. Горчакову 8-го (20) марта, 1854 г. Собств. Его Вел. библ. шк 116, порт. 14.

принимать можемъ и какъ *полагаемъ* къ оному приступить, не стѣсня тебя въ нужныхъ детальныхъ отступленіяхъ, лишь бы общее направленіе дѣйствій было согласно съ онымъ и въ связи потому со всѣми другими мѣрами, которыя на всѣхъ другихъ угрожаемыхъ пунктахъ предпринимаются.

«Ежели, однако, вѣроломство Австріи дойдетъ до рѣшительнаго наступленія на насъ, или въ Малую Валахію или въ Молдавію—тогда, разумѣется, что ты долженъ самъ рѣшить общее отступленіе на избранное поле сраженія, гдѣ, собравъ сколько можно, дать рѣшительноо сраженіе и тогда съ помощью Божіей: «*cela aura été reculer pour mieux sauter*» ..

Въ собственноручной запискѣ, о которой Государь упоминалъ въ своемъ письмѣ къ Горчакову, Императоръ Николай съ грустью сознавалъ, что изъ прежнихъ его предположеній могла исполниться только переправа у Мачина и Тульчи; о томъ когда и какъ приступить къ Силистріи, а также какъ направить дальнѣйшія дѣйствія, вопросъ оставался вполнѣ неопредѣленнымъ. Кромѣ слуховъ о готовившихся десантахъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, особенная опасность угрожала намъ и со стороны Австріи, «расположеніе которой изъ двусмысленнаго дѣлалось болѣе и болѣе явно намъ враждебнымъ». Она не только парализовала участіе въ борьбѣ со стороны сербовъ, но угрожала «намъ самимъ на нашемъ правомъ флангѣ и даже нашему тылу вторженіемъ въ собственные наши предѣлы».

Государь ставилъ далѣе вопросъ, какъ намъ дѣйствовать, «соблюдая военную осторожность, не роняя нашего политическаго достоинства и вліянія на христіанъ», и рѣшалъ его слѣдующимъ образомъ:

Послѣ взятія Мачина и Тульчи устроить тамъ сильное мостовое прикрытіе. Для охраненія нижняго Дуная, а также для резерва на случай высадки въ Бессарабіи или у Одессы оставить полторы дивизіи. Одной дивизіей наблюдать Силистрію и Гирсово, Маловалахскій отрядъ оттянуть за Краіово и на Ольту, въ видѣ аріергарда главныхъ силъ, которыя въ составѣ 3^{1/2} дивизій расположить около Бухареста. Драгунскій корпусъ имѣть въ резервѣ по обоимъ берегамъ Прута.

Въ такомъ положеніи слѣдовало ожидать, удастся ли союзникамъ высадка и гдѣ, а также постараться разбить соединенными силами турокъ, откуда бы они не наступали на насъ, т. е. отъ Видина ли, Рущука, Никополя или Силистріи.

Государь полагалъ, что это выжидательное положеніе продолжится до іюля, когда «должно объясниться, враги ли намъ австрійцы или, удержанные примѣромъ Пруссіи и нашимъ грознымъ видомъ, они останутся нейтральными». Въ такомъ случаѣ августъ и сентябрь предполагалось употребить для рѣшительнаго удара на Силистрію и, можетъ быть, на Русукуъ.

Императору Николаю не удалось, однако, до самой своей кончины увидѣть Австрію дѣйствительно нейтральной, и до конца войны это государство усердно продолжало играть свою пагубную для Россіи, но безславную для него самого роль.

Отправляя только что приведенную записку Государя князю Горчакову, фельдмаршалъ снабдилъ ее длинной инструкціей, въ которой положеніе нашей дунайской арміи рисовалось весьма мрачными красками.

Паскевичъ исходилъ изъ того заключенія, что политическія обстоятельства должны были имѣть особое вліяніе на наши военныя дѣйствія и въ этомъ отношеніи обстановка представлялась ему въ слѣдующемъ видѣ:

Со стороны Пруссіи угрозы не ожидалось; Австрія же объявила, что впредь поведеніе ея будетъ основано только на собственныхъ выгодахъ, которыя, впрочемъ, не враждебны ни для одной изъ державъ. Но, однако, австрійское правительство стягивало войска, которыхъ по свѣдѣніямъ фельдмаршала, черезъ три недѣли могло собраться для дѣйствія противъ насъ около 250 тысячъ, и они могли направиться къ Каменецъ-Подольску или къ Яссамъ, къ Бухаресту или Краіову. Съ другой стороны англо-французы, кромѣ дѣйствій въ морѣ и высадки въ другихъ мѣстахъ, могли сдѣлать десанты около Одессы или Аккермана и угрожать нашему тылу на Леово или Бендеры.

Съ нашей стороны для защиты границъ были приняты слѣдующія мѣры:

Курляндія, Литва и правый флангъ Царства Польскаго защищались 1-мъ корпусомъ, въ Варшавѣ и за Вислою сосредоточивались двѣ гвардейскія дивизіи, противъ Кракова одна бригада и противъ Лемберга полторы дивизіи 2-го корпуса.

Для связи поименованныхъ войскъ съ Дунайской арміей и для обезпеченія коммуникаціонной линіи этой послѣдней образовался отрядъ изъ 6-й пѣхотной, двухъ кирасирскихъ, двухъ драгунскихъ дивизій и казачьяго полка, который долженъ былъ расположиться по австрійской границѣ до Каменца и ниже до Бендеръ и Леова.

Придавая особое значеніе этому отряду, фельдмаршалъ приказывалъ усилить его еще одной дивизіей изъ арміи Горчакова, которую держать примѣрно около Кагула.

Далѣе Паскевичъ давалъ подробныя указанія, какъ дѣйствовать въ случаѣ высадки союзниковъ и направленія ихъ на Одессу или Аккерманъ и вновь переходилъ на свою излюбленную тему о переправѣ черезъ Дунай и мѣрахъ противъ покушенія австрійцевъ на нашъ тылъ. Очевидно, переходъ на правый берегъ рѣки ему не улыбался, и онъ предписывалъ Горчакову, въ случаѣ неудачи первой попытки, ее не возобновлять, а продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи. Что же касается до австрійцевъ, то онъ рекомендовалъ сократить нашу линію на Дунай и въ началѣ апрѣля отвести маловалахскій отрядъ отъ Калафата къ Краюву и даже за р. Ольту.

«Впрочемъ», кончалъ фельдмаршалъ свои настоятельныя указанія, «отступленіе сіе сдѣлайте по вашимъ соображеніямъ. Не будучи на мѣстѣ, я не даю вамъ рѣшительнаго о томъ предписанія» 1).

Но въ тотъ же день, вслѣдъ за только что изложенной инструкціей, на берега Дуная полетѣло уже форменное предписаніе отъ князя Варшавскаго 2)—отвести къ 1-му апрѣля мало-валахскій отрядъ за Ольту, выслать изъ подъ Бухареста одну дивизію пѣхоты къ Тырговицу, имѣя кавалерію впереди для наблюденія за Германштадтомъ, и, въ случаѣ перехода австрійцами границы у этого послѣдняго, стягивать всю армію къ Бузео или Рымнику, а, если это не удастся, то и къ Фокшанамъ, гдѣ и принять бой.

Трудно понять причину отправленія фельдмаршаломъ въ одинъ и тотъ же день изъ Петербурга и дающей нѣкоторый просторъ воли Горчакова инструкціи, и категорическаго предписанія по одному и тому же предмету. Единственнымъ объясненіемъ можетъ служить только то предположеніе, что вышеприведенное новое начертаніе хода военныхъ дѣйствій, составленное Государемъ, дошло до фельдмаршала послѣ отправки инструкціи, и въ немъ онъ увидалъ возможность безответственно приказать исполнить свою завѣтную мысль. Дѣйствительно, о новомъ Высочайшемъ предначертаніи князь Варшавскій упоминалъ не въ инструкціи, а въ послѣдовавшемъ за ней предписаніи.

1) Кн. Варшавскій кн. Горчакову 8-го марта 1854 года № 96—39. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.¹

2) Кн. Варшавскій кн. Горчакову 8-го марта 1854 г. № 100. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.

Мысль объ отступленіи такъ неотвязчиво преслѣдовала въ это время Паскевича, что онъ не ограничился данными Горчакову указаніями и чуть ли не ежедневно изъ Петербурга и по пути своемъ въ Варшаву въ длинныхъ письмахъ подтверждалъ одно и тоже ¹⁾. Къ счастью для князя Михаила Дмитріевича онъ всѣ эти посланія получилъ послѣ совершенія своей блестящей переправы черезъ Дунай.

Однако, трусливый строго оборонительный планъ князя Варшавскаго не у всѣхъ въ Петербургѣ вызывалъ сочувствіе. «И такъ, рѣшено», занесъ графъ Граббе въ свою книжку подь 14-мъ марта 1854 года ²⁾. «Съ огромными средствами избранъ самый робкій планъ дѣйствій противъ Турціи. Дунайская армія переправилась или переправляется въ эти дни за Дунай, между Брашловымъ и Мачинымъ. Дунай въ томъ мѣстѣ имѣетъ болѣе 400 саж. ширины и ни одного острова. Берегъ непріятельскій занятъ батареями и сзади ихъ на высотахъ позиція турокъ. Въ случаѣ успѣха, вѣроятно большимъ урономъ купленнаго, армія вступитъ въ самый пустынный и нездоровый край Турціи и начнетъ осаждать лежащія по Дунаю крѣпости, въ которыхъ неуклюжіе въ полѣ турки хорошо обороняются. Возстанію славянъ и грековъ никакой отъ того помощи. Огромныя средства на малыя дѣла, надъ которыми растаетъ армія и пройдетъ драгоцѣнное время. Хотятъ не отдаляться отъ Одессы, куда бояться высадки. Эти двѣ операціи разныя. Дунайская армія не можетъ оказать никакого пособія, и отряды изъ нея туда, въ случаѣ нужды, не поспѣютъ... Фельдмаршалъ къ труднѣйшему, къ перелазѣ, не могъ поспѣть, а поручилъ князю Горчакову. Въ случаѣ продолжительной осады Силистріи англо-французы могутъ дѣлать тревожныя высадки въ Бюстенджи, Мангалии, а особливо въ Варнѣ. Ничего сколько нибудь рѣшительнаго, грознаго для Турціи, побудительнаго къ миру».

Такова была обстановка на политическомъ горизонтѣ, въ Петербургѣ и Варшавѣ, когда князь Михаилъ Дмитріевичъ совершалъ свою переправу черезъ Дунай.

О дѣйствительномъ положеніи и намѣреніи турокъ въ этотъ періодъ кампаніи на европейскомъ театрѣ войны мы имѣемъ весьма мало документальныхъ данныхъ, которыя сводятся лишь къ донесеніямъ французскаго полковника Діе, состоявшаго при арміи

¹⁾ «Рус. Стар.» 1876 г., февраль, стр. 394—396.

²⁾ Рус. Арх. 1889 г., т. 1-й, стр. 567.

Омера-паши, и французскаго посла въ Константинополѣ генерала Барагэ-д'Илле къ маршалу С. Арно въ Парижъ.

Полковникъ Діе, одностороннее донесеніе котораго, къ сожа-
лѣнію, было тайнымъ образомъ доставлено изъ Парижа въ Петер-
бургъ, видимо очень радужно смотрѣлъ на положеніе турокъ и вѣ-
рилъ тѣмъ грандіознымъ планамъ, которыми съ нимъ дѣлился та-
лантливый Омеръ-паша исключительно, по всей вѣроятности, съ
политической цѣлью, не придавая имъ практической цѣны. А
между тѣмъ, можно полагать, что именно донесенія французскаго
агента произвели на князя Варшавскаго то пагубное впечатлѣніе,
которое придало столь печальный оборотъ всѣмъ его дѣйствіямъ
на Дунаѣ и предшествовавшимъ имъ распоряженіямъ.

Полковникъ Діе въ декабрѣ мѣсяцѣ совершилъ путешествіе отъ
Константинополя къ Дунаю и проѣхалъ вдоль этого послѣдняго
отъ Мачина до Видина. Впечатлѣнія очевидца, ѣздившаго съ удо-
стовѣреніемъ за подписью самого султана, повелѣвавшаго ему все
показывать, имѣетъ поэтому для насъ особую цѣну, но, повто-
ряемъ, что при ознакомленіи съ этими впечатлѣніями слѣдуетъ
имѣть въ виду излишній оптимизмъ французскаго офицера ¹⁾.

Не говоря ничего объ оборонительной силѣ Константинополя,
авторъ останавливается на Адрианополѣ, который съ его укрѣп-
леннымъ лагеремъ онъ считаетъ лучшимъ мѣстомъ для сосредото-
ченія перваго французскаго экспедиціоннаго корпуса. Направ-
ляясь далѣе къ Шумлѣ, Діе изслѣдовалъ проходы черезъ Балканы,
которые могутъ быть, какъ патетически восклицаетъ авторъ, «мѣ-
стомъ столкновенія французской арміи съ русской, если судьба
измѣнитъ доблести оттоманскихъ войскъ». Проходы эти, сильные
по своей природѣ, укрѣплялись и защищались многочисленнымъ
корпусомъ редифовъ подъ руководствомъ польскихъ и венгерскихъ
офицеровъ. Шумла съ ея большимъ укрѣпленнымъ лагеремъ со-
ставляла центръ операцій Омера-паши, который съ самаго начала
кампаніи усиленно укрѣплялъ этотъ пунктъ. Шумлинскій лагерь,
защищаемый стотысячной фанатизированной, по словамъ Діе,
арміей, былъ сдѣланъ неприступнымъ, благодаря гигантскимъ
фортификаціоннымъ сооруженіямъ, исполненнымъ при дѣятель-
номъ участіи иностранныхъ офицеровъ.

Пунктомъ для высадки французскихъ войскъ Діе намѣчалъ
Варну. «Невозможно предположить», добавлялъ онъ, «чтобы въ

¹⁾ Рапортъ полковника Діе отъ 26-го декабря 1853 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ.
Карт. Paris 1854 г.

то время, когда турки владѣютъ правымъ берегомъ Дуная, опираясь на Балканы и Черное море, русскій корпусъ осмѣлился бы переправиться черезъ эту рѣку, зная о присутствіи въ Варнѣ французской арміи».

Бабадагскую область занималъ отрядъ въ 24 тысячи, слѣдившій съ особой бдительностью за русскими канонерками въ рукавахъ устья Дуная. «Если», писалъ Діе, «русская армія предполагаетъ перейти рѣку въ ея низовьяхъ, то она встрѣтитъ ужасный ударъ и вѣрное поражение».

Численность турецкихъ войскъ опредѣлялась авторомъ примѣрно въ 280 тысячъ только дѣйствующей арміи. Изъ нихъ сто тысячъ находилось въ лагерѣ подъ Шумлой, 100 тысячъ по линіи Дуная, а остальные въ Видинѣ и Калафатѣ, который имъ признавался неприступнымъ и въ которомъ находились лучшія войска турецкаго генералиссимуса.

Планъ своихъ предстоящихъ операцій Омеръ-паша изложилъ полковнику Діе въ слѣдующемъ видѣ. Онъ предполагалъ окружить русскую армію въ Валахіи и отрѣзать ее отъ Молдавіи, откуда Горчаковъ получалъ все необходимое. Съ этой цѣлью 20 тысячный корпусъ долженъ будетъ двинуться отъ Калафата для атаки русскаго отряда въ Краювѣ, и послѣ нѣсколькихъ ложныхъ маневровъ передъ этимъ городомъ, имѣющихъ цѣлью привлечь сюда наше вниманіе, Омеръ-паша, принявши свой правый флангъ за ось захожденія, быстро двинетъ влѣво всю армію и резервъ для занятія важныхъ дефиле, ведущихъ въ Трансильванію. Чтобы еще болѣе покрыть этотъ маневръ тайной, и окончательно усыпить русскихъ, турки должны были предпринять въ разныхъ пунктахъ теченія Дуная ложныя попытки перехода рѣки. По выясненіи успѣха блестящаго маневра турецкой арміи противъ нашего праваго фланга, Омеръ-паша форсируетъ Дунай между Руцукомъ и Силистріей, и русская армія, атакованная въ голову и въ тылъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, принуждена будетъ отступить въ Молдавію, преслѣдуемая Омеромъ-пашею во главѣ всѣхъ его силъ.

Въ такомъ видѣ рисовалась обстановка восторженному полковнику Діе.

Но меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого донесенія дѣлился своими впечатлѣніями съ маршаломъ С. Арно и французскій посоль въ Константинополь генералъ Барагэ-д'Илье ¹⁾. Чтеніе этого

¹⁾ Ген. Барагэ-д'Илье марш. С. Арно 15 января и ст. 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 60.

документа рисуешь въ иномъ свѣтѣ способность Турціи къ единоборству съ Россіей, чѣмъ это представлялось полковнику Діе. «Послѣ моего послѣдняго письма», такъ начинается генераль Баргагэ-д'Илье, «дѣла турокъ приняли оборотъ мало успокоительный». Хотя Константинополь и былъ обезпеченъ отъ нечаяннаго нападенія съ моря, но султанъ только послѣ серьезнаго настоянія французскаго посла приказалъ отпустить деньги для начала работъ по приведенію столицы въ крѣпость 1-го класса. Балканскіе проходы кончали укрѣплять, но заставить турокъ организовать турецкую армію не удалось. Посоль рекомендовалъ торопиться присылкой перваго экспедиціоннаго корпуса генерала Канробера, такъ какъ скоро русская армія перейдетъ въ наступленіе, а Омерь-паша, при всѣхъ его способностяхъ, не въ состояніи одинъ сопротивляться русскимъ. Онъ не сумѣлъ воспользоваться первоначальными выгодами своего положенія и очень замедлил исполненіемъ принятаго плана. «Если Омерь-паша при первой встрѣчѣ не разобьетъ на голову русскихъ, то дѣло султана на половину проиграно» — такъ кончалъ генераль Баргагэ-д'Илье свое письмо.

Въ письмѣ отъ 24 февраля ²⁾ французскій посоль рисовалъ еще болѣе тяжелую картину. «Турція», писалъ онъ, «сдѣлала сверхчеловѣческія усилія, чтобы быть въ состояніи противостоять нападенію Россіи, и между тѣмъ она далека отъ возможности единоборства со своимъ знаменитымъ противникомъ. Дѣйствительно, ея азіатская армія, численностью болѣе 80 тысячъ человѣкъ, дала новое подтвержденіе стараго военнаго принципа, что дисциплина главенствуетъ надъ числомъ войскъ и, брошенная на 40 тысячъ русскихъ, она была на голову разбита; ея румелійская армія до сего времени задерживала русскихъ на Дунаѣ, благодаря хорошимъ оборонительнымъ распоряженіямъ Омера-паши, и даже пріобрѣла тамъ нѣкоторыя преимущества, хотя, надо сознаться, столкновенія до сихъ поръ не были серьезны. Въ настоящее время отоманское правительство сосредоточило на Дунаѣ около 150 тысячъ человѣкъ и не можетъ располагать еще болѣе чѣмъ 30 тысячами, разбросанными частью въ Адрианоуполь, частью въ Константинополь для охраны султана и укрѣпленій Босфора».

Мнѣніе о предстоящемъ ходѣ кампаніи высказывалъ также и австрійскій генераль Гессъ. По его расчетамъ на европейскомъ

¹⁾ Ген. Баргагэ-д'Илье—марш. С. Арно 24 февраля 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

²⁾ Бар. Мейендорфъ (нашъ посоль въ Вѣнѣ)—канцлеру 15 (27) февраля 1854 г. № 39 Арх. Мин. Ин. Д. 1854 г. Карт. Vienne.

театръ противъ насъ могли дѣйствовать 140 тыс. турокъ и 40 тыс. союзниковъ. Австрійскій генераль считалъ, что при такихъ условіяхъ переходъ нашей арміи черезъ Дунай рискованъ и что дальнѣйшія наши дѣйствія, даже послѣ взятія Силистріи или Рущуга и выиграннаго въ полѣ сраженія, не приведутъ насъ за Балканы. Если бы мы перешли Дунай у Мачина, то турки, по его предположенію, могли сосредоточить 90—100 тысячъ между Варной и Силистріей, но врядь-ли Омеръ-паша, зная о скоромъ прибытіи англо-французскаго корпуса, поторопится одинъ дать намъ сраженіе. Это обстоятельство облегчитъ намъ переправу черезъ Дунай, но послѣ этого и, можетъ быть, во время осады Силистріи намъ надо быть готовыми къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, когда турки, подкрѣпленные союзниками, будутъ гораздо многочисленнѣе насъ.

Генераль Гессъ высказывалъ также предположеніе, что, если мы будемъ продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи, то арміямъ западныхъ державъ нельзя будетъ долго оставаться въ Константинополѣ, и, желая принять участіе въ активныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, они высадятся въ Варнѣ и атакуютъ насъ совместно съ турками въ Валахіи.

Эти весьма, можетъ быть, выгодные съ австрійской точки зрѣнія совѣты, не остались, какъ мы видѣли, безъ вліянія на Паскевича, который настоялъ-таки на своемъ желаніи перейти къ оборонѣ, что дало союзникамъ возможность сдѣлать высадку въ Крыму и перенести войну въ наши предѣлы.

IV.

При обсужденіи предположеній о предстоящихъ военныхъ операціяхъ большое значеніе игралъ вопросъ о возстаніи христіанскихъ племенъ Турціи; поэтому умѣстно будетъ бросить здѣсь бѣглый взглядъ на мѣры, которыя были приняты нами для использованія этого матеріала.

Изъ разнообразныхъ христіанскихъ народностей, составлявшихъ коренное населеніе Европейской Турціи, лишь только болгары были всецѣло преданы Россіи и отъ нея одной ожидали своего освобожденія отъ мусульманскаго ига. Но по своему положенію въ центрѣ Имперіи ихъ болѣе чѣмъ кого-либо давилъ турецкій гнетъ, который за нѣсколько столѣтій успѣлъ почти что совсѣмъ убить въ этой націи способность къ самостоятельному починѣ въ отвоеваніи себѣ человѣческихъ правъ. [Поэтому рассчитывать на серьез-

ное съ ихъ стороны возстаніе мржно было только при широкой, продолжительной и правильной организаціи его извнѣ, т. е. со стороны Россіи, чего не было сдѣлано въ годы, предшествовавшіе войнѣ, и что не могло быть сдѣлано во время войны до занятія нами болгарской территоріи. Къ тому же болгарское населеніе, сосредоточенное въ центрѣ расположенія турецкихъ армій, могло принести намъ существенную пользу лишь только при наличіи всѣхъ данныхъ великаго народа, способнаго пожертвовать всѣми благами міра на защиту своей родины. Въ такомъ случаѣ партизанская война, сопряженная съ тѣми неудобствами, которыя испытываетъ армія, дѣйствующая среди враждебнаго ей населенія, была бы къ нашимъ услугамъ, но по указаннымъ выше причинамъ болгары того времени не были къ этому подготовлены.

Что касается до Сербіи, которая и по своей величинѣ, и по бѣльшей подготовленности къ самостоятельной политической жизни и, наконецъ, по своему положенію на флангѣ турецкой арміи, дѣйствующей противъ насъ, могла бы оказать намъ наиболѣе существенную помощь, то эта страна находилась уже много лѣтъ подъ двойственнымъ вліяніемъ Россіи и Австріи, при чемъ, благодаря отчасти неустойчивости нашей политики, а отчасти несноровитости нашихъ агентовъ и близкому къ Сербіи сосѣдству Австріи, вліяніе наше въ ней сильно пошатнулось. «Кто бы могъ подумать», всеподданнѣйше доносилъ князь Варшавскій ¹⁾, «что въ Сербіи человекъ (Карагеоргіевичъ), который воспитывался у насъ въ корпусѣ, сталъ первымъ нашимъ врагомъ. Между тѣмъ, онъ сдѣлалъ враждебнымъ намъ народъ, который около ста пятидесяти лѣтъ дѣйствовалъ съ нами и на насъ однихъ надѣялся»...

Боснія и Герцеговина, совершенно разоренныя событіями 1852—53 годовъ, не могли вновь принять участія въ борьбѣ съ турками, а храбрая, но далекая Черногорія, хотя и была готова пожертвовать для общаго дѣла всѣмъ своимъ достояніемъ, но была мала и далека, почему ею можно было воспользоваться лишь при участіи въ возстаніи со стороны сербовъ.

И, наконецъ, Греція, которая по своей величинѣ и по своему положенію, могла бы оказать намъ существенную пользу, но правительство ея и король находились подъ вліяніемъ западныхъ державъ. Впрочемъ, энергичное содѣйствіе этой страны, хотя бы только въ видахъ эгоистичныхъ цѣлей, могло имѣть мѣсто лишь

¹⁾ Всепод. пис. кн. Варшавскаго 12 (24) мая 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 44.

при успѣшныхъ нашихъ дѣйствіяхъ; симпатіи же простого народа, при отдаленности территоріи отъ театра военныхъ операцій, не могли принести намъ существенной пользы.

Кромѣ этихъ причинъ на успѣшную подготовку участія христіанскихъ народностей въ нашей борьбѣ съ Турціей долженъ былъ повліять также извѣстный уже взглядъ Императора Николая, который опасался встрѣтить въ этомъ святомъ для него дѣлѣ революціонныя попытки наиболѣе горячихъ головъ и считалъ возможнымъ приступить къ нему только при соответственной подготовкѣ подвластныхъ мусульманамъ племенъ воспріять свободное политическое существованіе въ формѣ, обезпечивающей, какъ это существованіе, такъ и спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Недружелюбное къ вопросу объ освобожденіи христіанъ отношеніе, и, скажемъ болѣе, противодѣйствіе со стороны Австріи также не должны были остаться безъ неблагопріятнаго вліянія.

Изъ всѣхъ предположеній Государя о мѣрахъ воздѣйствія на Отоманскую Порту видно было, что онъ полагалъ обратиться къ возстанію христіанъ лишь только въ томъ случаѣ, когда упрямство Турціи можетъ повести къ паденію и разложенію этой монархіи. Считая, что такое время еще не настало и что турки не доведутъ своего сопротивленія до такихъ серьезныхъ размѣровъ, Императоръ Николай первоначально подходилъ очень осторожно къ этому щекотливому вопросу и лишь допускалъ участіе мѣстныхъ волонтеровъ въ рядахъ нашей арміи, но по мѣрѣ того, какъ къ спору Россіи съ Турціей примѣшивалась открытая враждебность западныхъ державъ, Государь признавалъ, что возстаніе христіанъ должно осуществиться, хотя, подъ вліяніемъ отчасти канцлера, отчасти другихъ причинъ, благопріятное время было упущено, и это сильное въ русскихъ рукахъ оружіе заглохло безрезультатно.

На просьбѣ князя Горчакова, обращенной къ военному министру тотчасъ по входѣ нашихъ войскъ въ Княжества, о высылкѣ въ Бухарестъ 10 тысячъ ружей для вооруженія въ случаѣ надобности болгаръ или вообще христіанскаго населенія Турціи ¹⁾, Государь начерталъ: *«выдавать ихъ некому»* ²⁾, ибо возбуждать къ возстанію не хочу», а военный министръ добавилъ къ этому, что доставленіе ружей *«можетъ возбудить толки, съ намѣреніемъ Его Величества несогласные»* ³⁾.

¹⁾ Кн. Горчаковъ—воен. мин. 28-го іюля и 27-го іюля 1853 г. № 389. Арх. канц. военн. мин. 1853 г. по сп. в. с. д. № 57 и № 62.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 6-го августа 1853 г., № 958, арх. канц. военн. мин. по сп. в. 1853 г. с. д. № 62.

Нѣсколько позднѣе, а именно 30-го сентября, князь Михаилъ Дмитріевичъ вновь затронулъ вопросъ о привлеченіи къ борьбѣ съ турками балканскихъ христіанъ и на этотъ разъ встрѣтилъ со стороны Государя болѣе сочувствія къ своей мысли ¹⁾).

Для того чтобы отвлечь западныя дѣржавы отъ участія въ войнѣ съ нами, Горчаковъ предлагалъ «напугать ихъ» возможностью рѣшительной войны противъ турокъ на будущій годъ съ призывомъ къ оружію и къ свободѣ всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи. («Сerte» помѣтилъ Государь). Однако, князь сознавался, что эта мѣра будетъ очень сильная и повлечетъ за собою одно изъ двухъ: или почетный для Россіи миръ, или же принудить насъ завладѣть Болгаріей, а можетъ быть, и окончательно покончить съ турками.

Единственной воинственной націей, на которую можно было рассчитывать, Горчаковъ считалъ сербовъ, но для того, чтобы они возстали, необходимо было или наше присутствіе въ Болгаріи, или же призывъ со стороны Россіи къ ихъ независимости («Такъ и будетъ», помѣтилъ Государь). Въ молдо-валахъ авторъ письма находилъ мало крови въ жилахъ и считалъ, что высшіе классы, которые бредили о романской имперіи, были враждебны намъ. На болгаръ же можно было рассчитывать только тогда, когда мы дойдемъ до подножія Балканъ; до того же времени они за оружіе не возьмутся. Въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Греціей, этерія много работала надъ народомъ, и, по мнѣнію Горчакова, не было ничего невозможнаго въ томъ, что они возстанутъ раньше нашего къ нимъ приближенія.

Съ этого времени были сдѣланы распоряженія объ увеличеніи молдо-валахскихъ войскъ и начался пріемъ волонтерами болгаръ и грековъ, которые являлись въ обилии, но сербовъ князь Горчаковъ принимать не рѣшался, что вызвало слѣдующую помѣтку Государя отъ 28-го октября: «Отвѣчать, что предоставляется кн. Горчакову приступить къ тому, что ему удобнѣе кажется; ежели формироваться будутъ волонтерныя роты, то можно брать въ нихъ и грековъ, и сербовъ, но стараться *каналій* ²⁾ не брать ³⁾».

1) Кн. Горчаковъ—воен. министру 30-го сентября 1853 г. съ Высоч. на немъ помѣткамн. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

2) Курсивъ подлинника.

3) Донес. кн. Горчакова отъ 30-го сент. 1853 г. № 1301 и помѣтка Государя 10-го октября 1853 г.; донес. кн. Горчакова отъ 20-го октября № 1721 и помѣтка Государя 28-го октября. Арх. канц. воен. мин. по сн. в. 1853 г. с. д. № 62. Письмо Государя къ кн. Горчакову отъ 9 (21-го) октября 1853 г. Собст. Его Вел. библиот. шк. 115. порт. 14.

Въ послѣдующей своей перепискѣ съ Государемъ князь Горчаковъ неоднократно возвращался къ вопросу о возстаніи христіанъ. Такъ, въ письмѣ отъ 13-го декабря ¹⁾ онъ высказывалъ мысль о пользѣ отправки послѣ нашей переправы черезъ Дунай особаго отряда войскъ въ Сербію въ томъ случаѣ, если народъ поднимется противъ турокъ. Онъ полагалъ, что, «увидя русскій мундиръ у себя, сербы бросятся на турокъ, и тогда наше дѣло будетъ ихъ къ сему поощрять, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ преждевременныхъ воззваній отъ имени русскаго правительства, чтобы не компрометировать его ни противъ нейтральныхъ державъ, ни противъ самихъ возставаемыхъ племенъ, если бы обстоятельства указали пользу мира съ турками безъ изгнанія ихъ изъ Европы».

Одновременно съ этимъ князь Горчаковъ сообщалъ и о предложении греческой этеріи произвести возстаніе въ ближайшихъ къ Греціи провинціяхъ, но считалъ это преждевременнымъ, какъ по неблагонадежности прибывшихъ въ Бухарестъ представителей, такъ и потому, что возстаніе этеріи на югѣ, противъ воли греческаго правительства, могло имѣть послѣдствіемъ занятіе этой страны войсками враждебныхъ намъ державъ.

Между тѣмъ все усиливающееся недоброжелательство западныхъ державъ, которое успѣло выясниться съ достаточной очевидностью, заставило Императора Николая откинуть свои опасенія относительно привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, и онъ въ собственноручной запискѣ, предназначенной для государственнаго канцлера, высказалъ замѣчательныя по этому поводу мысли. Казалось, преданія Священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и ногамъ, готовы были, наконецъ, порваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права, но и въ данномъ случаѣ злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ и широкихъ намѣреній Государя.

«Непозволительныя заявленія лорда Абердина», писалъ Императоръ Николай въ своей запискѣ ²⁾, «закрывающія въ себѣ явныя намѣренія затруднить наши дѣйствія на морѣ и дозволить въ то же время туркамъ дѣйствовать противъ насъ этимъ же путемъ ³⁾,

¹⁾ Всепод. письмо кн. Горчакова 13-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. с. д. № 88.

²⁾ Собственноручная записка Императора Николая въ началѣ ноября, 1853 г.

³⁾ Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятаго Россіей въ Княжествахъ на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупредила,

вынуждаетъ обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ цѣли, увеличивъ наши наступательныя средства и обезпечивъ ихъ отъ нападенія англичанъ.

«Кажется, что англійское правительство, взявши сторонѣ турокъ, предвидить, что въ скоромъ будущемъ эта Имперія не въ состояніи будетъ болѣе существовать въ Европѣ, и придумываетъ уже, какимъ образомъ обратить послѣдствія этого изгнанія противъ насъ. Для этого, можетъ быть, оно само станетъ *во главѣ освобожденія европейскитъ христіанъ* съ цѣлью дать имъ въ будущемъ такое устройство, которое шло бы совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами ¹⁾).

«Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ гнусный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю бесполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужденные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны провозглашенному уже раньше принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время возстановить независимость христіанскихъ народовъ Европы, подавленныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святого дѣла, мы зываемъ ко всѣмъ христіанскимъ націямъ присоединиться къ намъ для достиженія такой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о православныхъ, но о судьбѣ всѣхъ безъ различія христіанъ, подвластныхъ мусульманскому владычеству въ Европѣ.

«Такимъ образомъ, мы провозгласимъ желаніе дѣйствительной независимости молдо-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страной, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка и управлялся бы лицомъ, *избраннымъ ими самими изъ среды своихъ же соотечественниковъ*.

«Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе или декларация должна произвести быструю перемену во мнѣніи всего хри-

что она доставитъ матеріальную поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря противъ одного изъ турецкихъ портовъ Чернаго моря.

На депешѣ барона Брунова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе Лондонскаго кабинета, Императоръ Николай 26-го октября 1853 г. написалъ: «C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des Anglais.—Ainsi c'est la guerre avec nous.—Soit».

¹⁾ Куревнѣ подлинника.

стіанскаго міра и привеети его, быть можетъ, къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или, по крайней мѣрѣ, освободить его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства.

«Я не вижу другого средства положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невѣроятно, чтобы послѣ подобнаго заявленія они рѣшились бы примкнуть къ туркамъ и сражаться вмѣстѣ съ ними противъ христіанъ.

«Разумѣется, послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено общему соглашенію. Несомнѣнно, что оно представитъ еще не мало затрудненій, но я вполне убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій; къ тому же, если успѣхъ увѣнчаетъ *нашу попытку*, то представится болѣе вѣроятія одержать верхъ и въ остальныхъ *нашихъ намѣреніяхъ*.

«Было бы крайне необходимымъ ознакомиться съ намѣреніями этихъ провинцій, отправивъ немедленно на мѣста способныхъ людей, чтобы поскорѣе собрать положительныя данныя о настоящемъ настроеніи этихъ народовъ и о той помощи, которую мы можемъ ожидать съ ихъ стороны.

«Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого неоцѣнимы. Это слѣдовало бы сдѣлать относительно сербовъ и босняковъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ уже извѣстно. Надо также немедленно вызвать сюда депутацію молдаво-валаховъ, составленную изъ наиболѣе разсудительныхъ бояръ и духовенства, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями на счетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить на сторону этого проекта».

Такія смѣлыя и неожиданныя для графа Нессельроде изъ устъ Императора Николая мысли должны были произвести на престарѣлаго канцлера впечатлѣніе нечаянно ударившаго грома. И онѣ такое произвели. «Я нахожусь подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ послѣдняго разговора, которымъ Ваше Императорское Величество меня удостоили», всеподданнѣйше писалъ графъ Нессельроде 8-го ноября ¹⁾ и просилъ разрѣшенія представить докладъ, въ которомъ онѣ намѣчалъ «подводные камни» на пути приведенія въ исполненіе новаго плана Государа. Канцлеръ находилъ, что время обращенія къ возстанію христіанъ выбрано неудобно и что будетъ гораздо лучше, если это возстаніе появится само собою, какъ слѣд-

¹⁾ Всепод. пис. гр. Нессельроде 8-го ноября 1853 г. Арх. мѣст. иностр. дѣлъ 1853 г. Карт. Доклады.

ствіе военныхъ дѣйствій. Въ видѣ уступки графъ Нессельроде признавалъ возможнымъ немедленно приступить къ нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ. Для убѣжденія Императора Николая канцлеръ прибѣгъ къ старому, испробованному имъ и никогда не дававшему отказа, средству. Онъ выставилъ противорѣчіе проекта Государя съ политическимъ направленіемъ, котораго мы неуклонно придерживались почти полъ столѣтія, и невозможность для консервативной Европы слѣдовать за Россіей по этому новому пути.

Въ обширномъ докладѣ, который былъ приложенъ къ письму, канцлеръ подробно развивалъ свою мысль. Онъ сознавалъ, что освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго ига должно когда-либо совершиться въ силу самой необходимости, и весьма вѣроятно, что появленіе нашихъ войскъ на правомъ берегу Дуная послужить толчкомъ къ общему ихъ возстанію, но преждевременныя попытки ихъ къ этому, до возможности немедленнаго оказанія имъ помощи нашими войсками, поведутъ лишь къ звѣрскому подавленію ихъ турками. Съ другой стороны такой шагъ подрывалъ еще бывшую у графа Нессельроде, надежду покончить обострившуюся распрю на Дунаѣ при помощи дипломатическихъ нотъ и трактатовъ, тогда какъ освобожденіе христіанъ немыслимо безъ паденія оттоманскаго владычества въ Европѣ, на что никоимъ образомъ не согласятся ни Англія, ни Франція. Наши шаги въ этомъ направленіи усилятъ недовѣріе къ намъ всей Европы и дадутъ право упрекать Императора Николая въ томъ, что, подъ видомъ выполненія святой идеи заступничества за своихъ единовѣрцевъ, онъ содѣйствовалъ образованію на Балканскомъ полуостровѣ новыхъ государствъ, которыя подпали бы подъ власть Россіи.

Но что болѣе всего пугало стараго дипломата временъ Священнаго союза и вѣрнаго хранителя его завѣтовъ, такъ это боязнь упрека петербургскому кабинету въ непослѣдовательности и въ измѣнѣ тѣмъ принципамъ, которые руководили русской политикой въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ; короче, канцлеръ боялся, что сильная воля Императора Николая сорветъ, наконецъ, путы австрійской опеки и въ тяжелый часъ наступившей грозной борьбы станетъ руководствоваться лишь интересами собственной страны. Эта часть доклада графа Нессельроде отличалась особой страстностью. Онъ не понималъ, какъ Россія, которая всегда протестовала противъ націоналистическихъ стремленій поляковъ, венгровъ, италіанцевъ, горцевъ Кавказа и даже молдо-валаховъ, сама поды-

метъ знамя возстанія христіанскихъ подданныхъ султана. Правда, балканскія народности освобождались отъ ига мусульманскаго, но это не уменьшало нашей непослѣдовательности, такъ какъ мы противились въ свое время свободѣ этеріи въ Греціи и освободительной пропагандѣ Парижа и Лондона на томъ же Балканскомъ полуостровѣ. «Консервативная Европа, заключаель канцлеръ, будетъ имѣть право возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы Княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана».

По мнѣнію автора доклада, вопросъ представлялся совершенно въ другомъ видѣ, если мы будемъ вынуждены необходимостью вести противъ Порты беспощадную войну, что, весьма вѣроятно, послужить сигналомъ къ поголовному возстанію христіанъ, безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства, и это событіе мы можемъ принять тогда, какъ свершившійся фактъ. При рѣшительномъ движеніи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствій, и при согласованіи этого движенія съ возстаніемъ христіанъ, Оттоманская имперія не будетъ въ состояніи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англія и Франція не возьмутъ на себя труда вновь завоевать въ пользу султана шагъ за шагомъ освобожденную уже территорію, защищаемую Россіей и христіанскими народами, готовыми умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свою національную независимость. Тогда мы можемъ провозгласить ихъ независимость передъ лицомъ всего міра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастія и великодушія, передъ которыми смолкнуть недоброжелательность и недобросовѣстность. Въ настоящее же время канцлеръ предлагалъ ограничиться лишь собираніемъ на мѣстѣ необходимыхъ данныхъ, какъ о размѣрѣ возможнаго возстанія, такъ и необходимой для этого съ нашей стороны матеріальной помощи.

Государь, оставивъ безъ возраженія всю увѣщательную часть доклада, остановился лишь на нарисованной графомъ Нессельроде картинѣ самостоятельнаго возстанія христіанъ, признавъ ее вполне вѣрной и соотвѣтствующей его взглядамъ, такъ какъ проектируемая имъ мѣры онъ предполагалъ примѣнить только послѣ нашего перехода на правый берегъ Дуная.

Въ заключеніе своей записки канцлеръ успокаивалъ Государя, что вся комбинація о возстаніи христіанъ, появившаяся лишь

вслѣдствіе ожиданія коварнаго поведенія англичанъ, которые при неудачной для турокъ войнѣ могутъ взять на себя инициативу освобожденія подвластныхъ имъ племенъ и новаго устройства ихъ на основаніяхъ, враждебныхъ Россіи, есть лишь случай, на который трудно разсчитывать. Турція въ начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ проявила такую силу и энергію, которая не позволяютъ мечтать о скоромъ ея паденіи, и, по мнѣнію канцлера, намъ въ настоящее время слѣдовало главнымъ образомъ обратить вниманіе на то, чтобы увеличить свои силы и этимъ заставить смириться турокъ и нашихъ западныхъ недоброжелателей. Если же дѣла примутъ дурной для турокъ оборотъ, то тогда лишь наступитъ время изыскивать средства противодѣйствовать устройству враждебнаго для насъ быта балканскихъ христіанъ.

Императоръ Николай не соглашался, однако, со взглядомъ своего канцлера и на поляхъ записки начерталъ:

«Я не раздѣляю вашей спокойной увѣренности. Я убѣжденъ, что англичане, такъ мало разборчивые въ средствахъ, не задумаются перемѣнить свою роль, какъ только убѣдятся въ томъ, что шансы войны склоняются на нашу сторону, и съ этой минуты пожелаютъ обратиться въ освободителей христіанъ, чтобы лишить насъ инициативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя, безъ всякаго стѣсненія, исключительно свои личные интересы, они постараются придать дѣлу освобожденія такое направленіе, которое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это? Полагаю, что нѣтъ.

«Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами лишь *тогда*, когда мы будемъ *навѣрное* знать, что христіане не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, но что они готовы дѣйствовать при нашей поддержкѣ, не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ своихъ усилій».

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и лишь для успокоенія Государя дѣлались слабыя, разрозненные попытки сношенія съ балканскими христіанами. А между тѣмъ 26-го [декабря баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многозначительныя слова: «Вотъ оно, правъ ли я?»

По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что на желаніе Государя выдвинуть въ нашей борьбѣ съ Турціей вопросъ освобожденія христіанъ оказали извѣстное вліяніе и политическія записки главы московскихъ славянофиловъ М. П. Погодина, къ которымъ, по словамъ Мартенса, Государь началъ серьезно относиться; многочисленныя же помѣтки Императора Николая на этихъ запискахъ подтверждаютъ такое мнѣніе. Съ другой стороны графиня А. Д. Блудова въ своемъ письмѣ къ Погодину, относящемуся къ концу 1853 года, сообщала, что прошеніе болгаръ, доставленное при содѣйствіи Погодина «произвело большое дѣйствіе на Государя, тронуло его до слезъ и первое подало поводъ къ видимому измѣненію во *взглядѣ политическомъ* ¹⁾ на вопросъ восточный. Это измѣненіе», продолжаетъ она дальше, «къ несчастью, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и она все находитъ средства сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя хорошія предположенія» ²⁾.

И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ однимъ изъ нашихъ современниковъ, который говоритъ ³⁾, что Императоръ Николай въ то время былъ странно одинокъ въ своей политикѣ. Его дипломатическая канцелярія работала въ идеѣ европейскаго концерта; онъ тоже напряженно работалъ, но совершенно отдѣльно отъ нея, слѣдуя своему чутью русскаго челоуѣка. Въ годину испытаній онъ не нашелъ въ своемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ни одного живого, дѣйствительно творческаго совѣта; напротивъ, наша дипломатія, соединенная давними традиціями «школы», направляла всѣ свои усилія на то, чтобы разрушить въ Государѣ всѣ пугавшія ея намѣренія, которыя возникали въ немъ изъ яснаго сознанія практической пользы.

Не могли не воздѣйствовать на высказанное направленіе мыслей Императора Николая относительно возбужденія христіанскихъ народностей и донесенія съ мѣстъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Съ одной стороны Государю доносили объ усиленной дѣятельности англійскихъ консуловъ въ Болгаріи, которые со времени занятія нами Княжествъ, начали проявлять особую заботливость о болгарскомъ населеніи, увѣряя, что Англія всѣми силами хлопочетъ улучшить ихъ положеніе и совѣтуя не надѣяться

¹⁾ Курсивъ подлинника.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Н. Барсукова, кн. XIII, стр. 18.

³⁾ «Дипломатическія школы и практическая политика» С. А. «Новое Время» 13-го января 1900 г., № 8577.

на Россію и не вѣрить ея обѣщаніямъ ¹⁾). Съ другой стороны сообщали, что одно появленіе въ Сербіи нашего агента Фонтана произвело ошеломляющее впечатлѣніе и привело руководителей народной партіи въ восторгъ, но нельзя того же сказать относительно турокъ и лорда Редклифа, «которые очень ясно увидали, что успокоеніе этой страны зависитъ исключительно отъ воли Государя Императора» ²⁾).

Донесенія изъ Аѳинъ характеризовали настроеніе всего населенія Греціи и Румеліи совершенно подготовленнымъ къ сильному и общему возстанію. Духовенство, купечество и многочисленныя тайныя общества вели усиленную пропаганду противъ власти султана; партія этеріи хотѣла даже послать въ Петербургъ особаго делегата ³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ страна эта была полна политическихъ интригъ и распространяемыхъ противъ Россіи враждебныхъ вымысловъ, хотя греческая пресса выражала въ общемъ симпатіи къ намъ и ненависть къ морскимъ державамъ ⁴⁾. Во главѣ русофильской партіи стояла королева, которая открыто и даже демонстративно выказывала симпатіи къ Россіи, «но чѣмъ королева была отзывчивѣе, тѣмъ король былъ сдержаннѣе, что», какъ доносили Персіани ⁵⁾, «составляло оригинальную противоположность съ благородной откровенностью его августѣйшей супруги». Къ сожалѣнію нашъ дипломатъ очень поздно выяснилъ истинную причину сдержанности короля эллиновъ.

Вообще сообщенія этого дипломата о положеніи Греціи были нѣсколько разнорѣчивыя. Такъ, донося 20-го ноября ⁶⁾ о недовольствѣ лондонскаго кабинета на то, что аѳинское правительство не принимаетъ достаточно энергичныхъ мѣръ, чтобы обезпечить спокойствіе сосѣдней и союзной Турціи, если бы таковому что либо угрожало, онъ утверждалъ, что народъ остается спокоенъ къ возбужденію противъ мусульманъ. По словамъ этого донесенія Персіани, нельзя было разсчитывать на что-либо серьезное, пока наши войска не перейдутъ Дуная, такъ какъ греки боятся своимъ преждевременнымъ движеніемъ ухудшить положеніе остальныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ.

¹⁾ Арх. канц. воен. мин. по св. в. 1853 г. с. д. № 35.

²⁾ Агрипоуло—Озерову. 14-го (26-го) августа 1853 г. Ад. № 201. Арх. мин. ин. д. 1853 г., карт. С.

³⁾ Персіани—Канцлеру 18-го сентября 1853 г. арх. мин. ин. д. 1853 г. карт. А.

⁴⁾ Персіани—Канцлеру 28-го августа 1853 г. Тамъ же.

⁵⁾ Персіани—Канцлеру 20-го ноября 1853 г. № 961. Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

Въ депешѣ же отъ 4-го декабря 1) нашъ посоль, восхваляя спокойное и созерцательное положеніе, принятое королемъ по отношенію къ надвигающимся событіямъ, присовокуплялъ, что такое поведеніе не удовлетворяетъ страну, которая жалуется на неподвижность своего правительства. Не разобравшись ни въ трудномъ положеніи Греціи, удаленной отъ Россіи и находившейся подъ физическимъ давленіемъ вооруженныхъ силъ морскихъ державъ, ни въ настоящихъ намѣреніяхъ короля, онъ усыплялъ петербургскій кабинетъ тѣмъ, что «король и королева всѣ свои надежды основываютъ исключительно на могущественной поддержкѣ нашего Августѣйшаго Повелителя» 2).

Тѣмъ временемъ на Дунаѣ шли разрозненныя попытки сбора волонтеровъ, возложенныя на генерала Салоса и на гвардейской конной артилеріи полковника Костанду. Хотя князь Горчаковъ и доносилъ, что жители съ энтузіазмомъ встрѣтили вѣсть о формированіи волонтерныхъ баталіоновъ, и поступающимъ въ нихъ было назначено очень большое по тому времени содержаніе отъ русскаго правительства, 3) но къ марту мѣсяцу въ обоихъ Княжествахъ набралось всего 2037 человекъ волонтеровъ 4). Что же касается до принятія на нашу службу греческихъ уроженцевъ, то, не смотря на ту пользу, которую они могли принести нашему черноморскому флоту, къ ихъ приему относились очень сдержанно, такъ какъ Государь въ подобномъ предложеніи этеріи, сдѣланномъ противъ воли греческаго правительства, готовъ былъ, по словамъ графа Нессельроде, скорѣе видѣть гражданскую войну, чѣмъ демонстрацію противъ Турціи въ пользу ея христіанскихъ подданныхъ 5).

Что касается до настроенія жителей Княжествъ, то въ теченіе зимы, которую наши войска провели на лѣвомъ берегу Дуная, оно не измѣнилось въ нашу пользу. Народъ, какъ доносилъ князь Горчаковъ 6), не думалъ о перемѣнахъ въ управленіи и измѣненіе существующаго порядка встрѣтилъ бы съ равнодушіемъ. Избавле-

1) Персіали—Канцлеру 4-го декабря 1853 г. Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Отъ 3 руб. сер. въ сутки—(баталіонному командиру) до 15 коп. (рядовому) причемъ нижнимъ чинамъ выдавалось еще по 11 коп. сер. кормовыхъ въ сутки.

4) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 95.

5) Кн. Горчаковъ—кн. Меншикову 26-го января 1854 г. № 315. Арх. в. уч. ком. Отд. 2, д. № 4253.

6) Кн. Горчаковъ—воен. министру 27-го января 1854 г. Арх: канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

ніе отъ подданства Порты его не интересовало, такъ какъ съ 1829 года оно его болѣе не тяготило. Революціонная партія въ Княжествахъ находилась подъ вліяніемъ самыхъ крайнихъ соціальныхъ началъ. Цѣль ея состояла въ образованіи на радикальныхъ основаніяхъ изъ обоихъ Княжествъ, Болгаріи, Бессарабіи и части Трансильваніи особаго Романскаго государства. Чувствуя въ Россіи главную преграду къ такимъ намѣреніямъ, партія эта всегда оставалась нашими врагами. Бояре не имѣли никакого чувства истиннаго патріотизма. Всѣ ихъ помыслы сводились къ достиженію разными происками господарскаго достоинства или прибыльныхъ мѣстъ, для чего выгоднѣе было оставаться подъ главенствомъ турокъ. Если, по мнѣнію князя Горчакова, среди жителей Княжествъ и было какое либо затаенное желаніе, то оно состояло въ томъ, чтобы ихъ области находились подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ великихъ державъ.

Въ такомъ положеніи находился ко времени нашей переправы черезъ Дунай вопросъ о столь важномъ для нашего успѣха дѣлѣ, какъ поднятіе возстанія христіанъ съ цѣлью освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига и, какъ видно, въ положеніи далеко не соответствующемъ характеру, мыслямъ и предположеніямъ Императора Николая Павловича.

А. Заіончковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

